

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

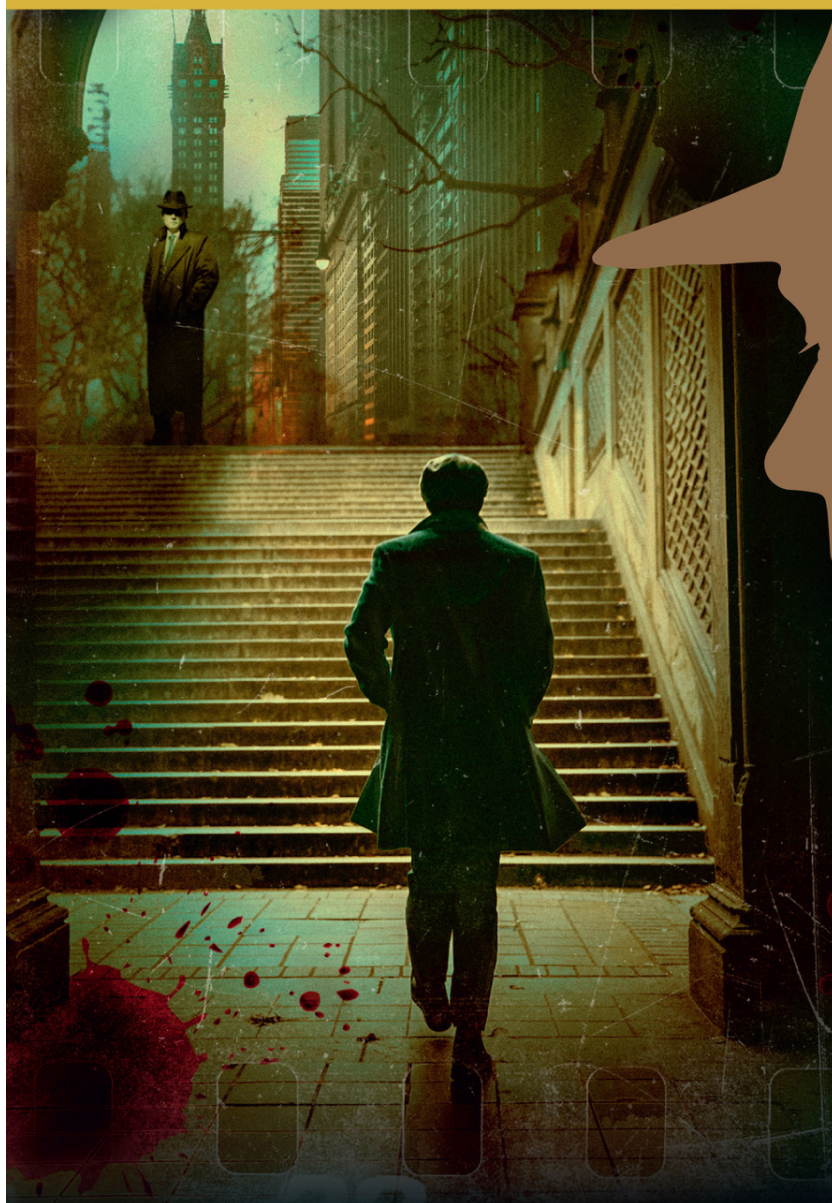
New Yorker

• ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА •

РЕКС СТАУТ

Умолкнувший
оратор

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Умолкнувший оратор

«Азбука-Аттикус»

1946

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Умолкнувший оратор / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1946 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18921-8

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18921-8

© Стаут Р. Т., 1946
© Азбука-Аттикус, 1946

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	17
Глава 9	23
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рекс Стаут

Умолкнувший оратор

Rex Stout

THE SILENT SPEAKER

Copyright © 1946 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Ниро Вулф сидел с закрытыми глазами за письменным столом, откинувшись на спинку огромного кресла.

– Интересный факт... – пробормотал он. – Совместный капитал членов Национальной ассоциации промышленников, присутствовавших на приеме прошлым вечером, оценивается в тридцать миллиардов долларов.

Я запер в сейф чековую книжку, зевнул и вернулся к своему столу.

– Да, сэр, – согласился я, – но не менее интересно, что доисторические строители могильных курганов оставили в штате Огайо больше следов своей деятельности, чем где бы то ни было. В дни моей юности...

– Заткнись! – рявкнул Вулф.

Обидно, конечно, но я смолчал. Во-первых, дело шло к полуночи и меня клонило в сон, а во-вторых, его замечание, возможно, имело отношение к нашему предыдущему разговору, чего нельзя сказать о моей тираде. Мы обсуждали наши финансовые тяготы, изыскивали возможности уплаты налогов и решали прочие денежные вопросы, среди которых не самой мало-важной была проблема выплаты мне жалованья. Наши финансы еще не пели романсы, но дела обстояли не лучшим образом. Когда я зевнул в третий раз, Вулф вдруг решительно сказал:

– Арчи, возьми блокнот. Указания на завтра.

В одну секунду сонливость как рукой сняло. Вулф продиктовал мне свои распоряжения и отправился к себе наверх. Полученные на завтра задания настолько завладели моими мыслями, что я вертелся в постели не меньше тридцати секунд, прежде чем меня сморил сон.

Глава 2

Разговор происходил в среду ближе к концу самого теплого марта за все время существования Нью-Йорка. В четверг погода не изменилась, и я даже не надел пальто, выйдя из нашего особняка на Западной Тридцать пятой улице и направляясь в гараж за машиной. Я был подготовлен к любым случайностям. В бумажнике у меня имелся запас визитных карточек, которые гласили:

АРЧИ ГУДВИН

помощник Ниро Вулфа

Западная Тридцать пятая улица, 922

тел.: Проктор 5-5000

В нагрудном кармане пиджака, помимо обычного содержимого, лежал документ, сфабрикованный мной на пишущей машинке. Он был напечатан в виде служебной записки ОТ Арчи Гудвина ДЛЯ Ниро Вулфа. В записке говорилось: «Разрешение от инспектора Л. Т. Кремера на обследование комнаты в отеле „Уолдорф“ получено. О результатах сообщу по телефону». Сбоку над текстом были нацарапаны чернилами – тоже моя работа, достойная восхищения, – инициалы: «Л. Т. К.».

Убойный отдел находится на Двадцатой улице, меньше чем в миле от нас, и примерно в половине десятого я уже сидел перед обшарпанным старым письменным столом, владелец которого, восседая во вращающемся кресле, хмуро разглядывал какие-то бумаги. У него было круглое красное лицо, маленькие серые глазки, плотно прижатые к черепу уши. Он перенес на меня угрюмый взгляд и проворчал:

– Я чертовски занят. – Глаза его усталились в точку на три дюйма ниже моего подборка. – Что это ты так расфрантился? Или думаешь, уже Пасха?

– Я не знаю такого закона, который запрещал бы человеку купить себе новую рубашку и галстук, – парировал я. – А может быть, как и полагается детективу, я маскируюсь? Конечно, вы заняты, и я не намерен отнимать у вас время. Хочу просить вас об одолжении, о большом одолжении. Не для себя, так как совершенно уверен, что, окажись я в горящем доме, вы бы немедленно приказали плеснуть в пламя бензина. Я обращаюсь к вам от имени Ниро Вулфа. Он просит вас разрешить мне осмотреть комнату в отеле «Уолдорф», где в прошлый вторник был убит Чейни Бун, и сделать там несколько снимков.

Тут уж инспектор Кремер устался на мою физиономию, а не на новый галстук.

– Боже правый! – наконец произнес он с горьким негодованием. – Мало мне неприятностей с этим делом! Не хватало только Ниро Вулфа. И вот он тут как тут! – Кремер задвигал челюстью, раздраженно глядя на меня. – Кто ваш клиент?

– Не знаю я ни о каком клиенте, – покачал я головой. – Насколько я понимаю, дело просто в любознательности Ниро Вулфа. Он интересуется преступлениями, которые...

– Ты слышал мой вопрос? Кто ваш клиент?

– Нет, сэр, – с сожалением отозвался я. – Разрежьте меня на куски, выньте сердце и пошлите на исследование в лабораторию, и вы увидите: на нем начертано, что я ничего не...

– Хватит! – Кремер снова уткнулся в бумаги.

– Я знаю, инспектор, что вы заняты. – Я поднялся с места. – Но мистер Вулф будет весьма признателен, если вы разрешите осмотреть...

– Чушь! – не поднимая головы, бросил он. – Вы не нуждаетесь ни в каком разрешении для осмотра комнаты и прекрасно это знаете! Мы проделали там все, что требовалось, а помещение это является частным владением. Впервые слышу, чтобы вы добивались официального

разрешения властей. Будь у меня время, я попытался бы узнать, что за этим скрывается, но я слишком занят. Убирайся!

– Боже мой! – обескураженно произнес я, направляясь к двери. – Подозрительность... Вечно одна подозрительность! Что за человек?!

Глава 3

По внешнему виду и манерам Джонни Дарст был чрезвычайно далек от того представления, которое вы могли бы составить о сыщике, служащем в гостинице. Его скорее можно было принять за вице-президента какого-нибудь треста или за распорядителя гольф-клуба. Мы находились в небольшой комнате. Он молча глядел на меня, а я рассматривал обстановку, состоящую из маленького столика, зеркала и нескольких стульев. Поскольку Джонни был отнюдь не дурак, я даже не пытался сделать вид, будто что-то скрываю.

– Скажите, а что вы ищете? – вежливо поинтересовался он.

– Ничего определенного, – ответил я. – Я работаю на Ниро Вулфа точно так же, как вы работаете на хозяев «Уолдорфа». Он послал меня сюда, и вот я здесь. Ковры поменяли?

– Сами понимаете – кровь, – кивнул он, – правда, не очень много. Кое-что забрала полиция.

– Судя по газетным сведениям, здесь четыре такие комнаты, по две с каждой стороны сцены?

Он опять кивнул:

– Используются в качестве артистических уборных. Конечно, Чейни Бун отнюдь не был артистом, но хотел подготовиться к выступлению, и его провели сюда, чтобы никто не мешал. Большой бальный зал отеля «Уолдорф» лучше других оборудован...

– Бесспорно! – охотно согласился я. – Хозяева должны платить вам надбавку к жалованью за рекламу. Что ж, весьма признателен.

– Узнали, что было нужно?

– Да, пожалуй.

– Могу показать вам место, откуда он должен был произнести речь.

– Спасибо, в следующий раз.

Он спустился вместе со мной в лифте и проводил до выхода. Мы оба прекрасно понимали, что хозяева отелей одобряют присутствие лишь тех частных детективов, которых сами и нанимают. На прощание он все же, как бы невзначай, спросил:

– А на кого работает Вулф?

– Наивный вопрос, – ответил я. – Он работает, во-первых, во-вторых и в-последних, на Вулфа. Если подумать, то и я тоже. Парень, я преданный.

Глава 4

Без четверти одиннадцать я оставил машину на стоянке у Фоли-сквер, вошел в здание федерального суда и поднялся на лифте.

Я встретил там с десяток сотрудников ФБР, с которыми свел знакомство во время войны, когда Вулф работал на правительство, а я служил в военной разведке. Мы с Вулфом решили, что Дж. Дж. Спиро, будучи процента на три болтливее остальных, окажется для нас полезным, поэтому именно ему я послал свою визитную карточку. Не прошло и мгновения, как аккуратная деловая девица провела меня в аккуратный деловой кабинет, где меня встретило аккуратное деловое лицо – Дж. Дж. Спиро из ФБР. Мы церемонно приветствовали друг друга, и затем, придав своему голосу сердечность, он спросил:

– Ну-с, майор, чем мы можем быть вам полезны?

– Окажите мне две любезности, – сказал я. – Во-первых, перестаньте величать майором. Я уже давно снял форму. Кроме того, я страдаю комплексом неполноценности, так как должен был бы носить звание полковника. Во-вторых, у меня просьба от Ниро Вулфа, конфиденциальная. Конечно, он мог бы просто позвонить вашему шефу, но не хочет беспокоить его по таким пустякам. Речь идет об убийстве Буна. Нам сказали, что в расследование вмешалось ФБР, а как известно, обычно вы не интересуетесь такими делами. Мистер Вулф хотел бы узнать: может быть, Федеральному бюро нежелательно, чтобы частный детектив проявлял интерес к этому делу?

Спиро все еще пытался играть роль доброжелательного чиновника, но выучка оказалась сильнее его. Он принялся барабанить по столу пальцами, но тут же прекратил и поспешно убрал руку. Сотрудники ФБР не барабанят пальцами по столу.

– Дело Буна... – протянул он.

– Совершенно верно, дело Чейни Буна.

– Да-да, припоминаю... Но если оставить на секунду интересы ФБР, то в чем, собственно, состоит интерес мистера Вулфа?

Он наскакивал на меня со всех сторон. Полчаса спустя я ушел с тем, с чем и ожидал уйти, – ни с чем. Надежда на то, что он на три процента болтливее остальных, не оправдалась.

Глава 5

Последнее задание оказалось самым трудным. Главным образом потому, что я столкнулся с совершенно незнакомыми мне людьми. Я не знал ни единого человека, связанного с Национальной ассоциацией промышленников (НАП), и был вынужден начать с нуля. Как только я поднялся в офис ассоциации на тридцатом этаже здания, расположенного на Сорок первой улице, вся обстановка сразу же произвела на меня дурное впечатление. Приемная слишком велика, слишком много денег потрачено на ковры, обои, мебель. И девица за стойкой, хотя и являлась недурным экземпляром с точки зрения экстерьера, безусловно, была подсоединена к морозильной камере. Уж так холодна, что я не видел ни малейшего шанса растопить лед. Я умею быстро сближаться с представительницами слабого пола в возрасте от двадцати до тридцати и более лет, если они отвечают определенным стандартам в плане силуэта и окраски, но с этим образчиком найти общий язык я не мог. Уразумев это с первого взгляда, я протянул ей свою визитную карточку и сказал, что желаю видеть Хэтти Хардинг.

Это вызвало такие трудности, словно Хэтти Хардинг являлась богиней-хранительницей храма, а не помощником президента НАП по связям с общественностью. Наконец я был пропущен к ней. Просторный кабинет, ковры, добротная мягкая мебель. Имелись достоинства и у нее лично, но как раз те, что пробуждают во мне один-два моих самых опасных инстинкта, причем отнюдь не те, о которых некоторые могли бы подумать. Ей было где-то между двадцатью шестью и сорока восьмью годами. Высокая, стройная, со вкусом одетая. Строгий, властный взгляд ее темных глаз буквально с первой же секунды говорил вам, что эти глаза многое в жизни повидали и все знают.

– Мне доставляет истинное удовольствие видеть самого Арчи Гудвина, явившегося от самого Ниро Вулфа, – заявила она, крепко пожимая мне руку. – Поверьте, истинное удовольствие. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Я имею в виду, что вы явились от Ниро Вулфа.

– По прямой, мисс Хардинг. Как пчела летит с цветка.

– Да? А не на цветок? – рассмеялась она.

В ответ рассмеялся и я. Теперь мы были на дружеской ноге.

– Так действительно будет ближе к истине. Признаюсь, я прилетел сюда заполучить бочку нектара. Для Ниро Вулфа. Ему может понадобиться список членов НАП, которые присутствовали на приеме в отеле «Уолдорф» во вторник вечером, потому что Вулф и послал меня к вам. Копия предварительного списка у него имеется, но ему необходимо знать, кто из этого списка не явился на прием, а кто пришел сверх списка. Ну как, я правильно построил фразу?

Она молчала. На лице у нее появилось выражение озабоченности.

– Почему бы нам не присесть? – вовсе не по-приятельски предложила она и направилась к стульям, стоявшим у окна.

Но я сделал вид, что не заметил этого, и подошел к одному из стульев для посетителей перед ее письменным столом, так что ей пришлось занять свое рабочее место. Состряпанная мной записка Ниро Вулфу, которую я завизировал инициалами инспектора Кремера, покоилась в кармане пиджака, и ей предстояло случайно выпасть на пол кабинета мисс Хардинг, а поскольку нас разделял стол, это была несложная операция.

– Интересно, для чего мистеру Вулфу понадобился список? – спросила она.

– Если честно, я могу ответить на ваш вопрос только ложью. – Я улыбнулся. – Список необходим ему, чтобы попросить автограф у присутствовавших на приеме.

– Я буду так же честна с вами, мистер Гудвин, – улыбнулась она в ответ. – Вы, конечно, понимаете, что случившееся несчастье в высшей степени неприятно для нашей ассоциации. Только представьте себе: наш гость, основной оратор на вечере, директор Бюро регулирования цен, убит перед началом приема. Я оказалась в чертовски неловком положении... Даже если в

течение последних десяти лет отдел связей с общественностью, которым я руковожу, оставался на высоте, что я отнюдь не вменяю себе в заслугу, все мои усилия могут пойти насмарку из-за того, что произошло там в течение десяти секунд. Поэтому не...

– Почему вы думаете, что это произошло в течение десяти секунд?

Она удивленно заморгала:

– Но ведь... должно быть... так, как все произошло...

– Не доказано, – беспечно сказал я. – Его четыре раза ударили гаечным ключом по голове.

Конечно, это можно проделать и за десять секунд, но предположите, что убийца ударил его в первый раз, Бун потерял сознание, убийца, передохнув, снова ударил его, опять перевел дух, ударил в третий раз...

– О чем это вы?! – оборвала она меня. – Хотите показать, насколько вы несносны?

– Нет. Просто демонстрирую, как могут рассуждать те, кто расследует убийство. Если бы вы заявили полиции, что преступление совершено в течение десяти секунд, вам было бы несдобровать. А у меня это в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Во всяком случае, я этим не интересуюсь. Я пришел по поручению мистера Вулфа, и мы были бы чрезвычайно признательны вам за список, о котором я говорил.

Я приготовился выслушать что-нибудь вроде речи и опешил, увидев, как она закрыла лицо руками. Ей-богу, даже подумал, что она вот-вот заплачет от отчаяния по поводу безвременной кончины связей с общественностью, однако она лишь прижала ладони к глазам и осталась так сидеть. Это был самый подходящий момент, чтобы бросить записку на ковер, что я и проделал.

Мисс Хардинг не отнимала ладони от лица так долго, что я успел бы раскидать по полу целую кипу бумажек, но когда она наконец убрала руки, ее взгляд оставался по-прежнему властным.

– Извините, – сказала она, – но я не спала две ночи и совершенно разбита. Я вынуждена просить вас уйти. Через десять минут у мистера Эрскина должно начаться еще одно совещание по поводу убийства Буна, и мне надо подготовиться. К тому же вы отлично понимаете, что я не могу дать вам список без ведома и согласия начальства. Кроме того, у мистера Вулфа, как я слышала, тесные связи с полицией. Почему бы вам не затребовать список у нее? Кстати, о вашем умении строить фразы. Слушайте, как я говорю, и учитесь. И наконец, скажите мне – я искренне надеюсь, что вы это сделаете, – кто поручил мистеру Вулфу взяться за это дело?

Я покачал головой и поднялся:

– Я нахожусь точно в таком же положении, как и вы, мисс Хардинг. Я не могу ничего сделать, даже ответить на простой вопрос, без санкции свыше. Может быть, мы придем к соглашению? Я спрошу мистера Вулфа, можно ли мне ответить на ваш вопрос, а вы спросите мистера Эрскина, можно ли дать мне список. Успешного совещания!

Мы пожали друг другу руки, и я не мешкая прошагал по коврам к двери, чтобы она не успела обнаружить на полу записку и вернуть ее мне.

В это время дня движение на улицах такое плотное, что я едва тащился. Остановив машину у старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, принадлежащего Ниро Вулфу и являющегося моим домом вот уже в течение десяти лет, я поднялся на крыльцо и попытался отпереть ключом дверь, но она оказалась на засове, и мне пришлось позвонить. Открыл мне Фриц Бреннер, повар и домоправитель. Проинформировав его, что шансы на получение в субботу жалованья у нас есть, я направился через прихожую в кабинет.

Вулф сидел за своим столом и читал книгу. Только здесь он чувствовал себя удобно. В доме были и другие кресла, сделанные по специальному заказу и гарантированно выдерживающие нагрузку до пятисот фунтов. Одно из них стояло в его спальне, второе – на кухне, третье – в столовой, четвертое – в оранжерее на крыше, где выращивались орхидеи, и пятое – в

кабинете, за его рабочим столом, рядом с огромным глобусом диаметром более двух футов и книжными полками. Именно в этом кресле Вулф проводил большую часть суток.

Как обычно, он даже не поднял глаз, когда я вошел. И как обычно, я не обратил на это ни малейшего внимания.

– Крючки наживлены, – громко сказал я. – Возможно, в этот самый момент по радио передают, что Ниро Вулф, величайший из всех ныне здравствующих частных детективов, когда ему хочется работать, что происходит довольно редко, занялся делом Буна. Включить?

Вулф дочитал до точки, загнул уголок страницы и отложил книгу в сторону.

– Нет, сейчас время ланча, – сказал он и взглянул на меня. – Наверное, вопреки обыкновению, ты был излишне открыт. Звонил инспектор Кремер. Звонил мистер Трэвис из ФБР. Звонил мистер Роде из отеля «Уолдорф». Боюсь, они могут пожаловать сюда, поэтому я велел Фрицу запереть дверь на засов.

Вот и все, что он произнес в этот момент или, вернее, в течение ближайшего часа, так как появившийся Фриц объявил, что кушать подано. Ланч в тот день состоял из кукурузных лепешек и свиной вырезки в сухарях, кукурузных лепешек и острого томатно-сырного соуса и, наконец, кукурузных лепешек с медом. Фриц умел виртуозно рассчитывать время подачи лепешек. Едва кто-нибудь из нас успевал прикончить, скажем, одиннадцатую лепешку, как Фриц прямо с пылу с жару подавал двенадцатую.

Глава 6

Я назвал это операцией «Платежная ведомость». Согласен, что такое название было дано несколько преждевременно. Помимо жалованья Фрицу Бреннеру, уборщику Чарли, Теодору Хорстману, который ухаживал за орхидеями, мне предстояли и другие расходы, слишком многочисленные, чтобы их перечислять. Однако, исходя из правила называть вещи своими именами, я назвал это именно так.

Утром в пятницу мы наконец поймали рыбку, за которой охотились. В четверг вечером произошли два непредвиденных визита. Первым явился инспектор Кремер, вторым Дж. Дж. Спиро из ФБР. Вулф распорядился не принимать их, и они ушли несолоно хлебавши. Я был настолько уверен, что рано или поздно рыба заглотнет нашу наживку, что всю вторую половину четверга посвятил составлению отчета об убийстве Буна, каким оно представлялось мне по газетным сообщениям и из беседы, которую я имел в среду с сержантом Пэрли Стеббинсом. Перечитав свое творение, я решил не приводить его здесь целиком, а ограничиться лишь изложением основных моментов.

Чейни Бун, директор правительственного Бюро регулирования цен, был приглашен выступить с речью на приеме, устраиваемом Национальной ассоциацией промышленников в Большом бальном зале отеля «Уолдорф». Он прибыл туда без десяти семь, когда приглашенные на прием – тысяча четыреста человек – еще не расселись за столы и расхаживали взад-вперед, переговариваясь и попивая коктейли. Его провели в гостиную для почетных гостей. Как обычно, она кишела людьми, которые вовсе не должны были там находиться. Выпив коктейль, пожав множество рук и выслушав кучу комплиментов, Бун попросил указать ему укромное местечко, где он мог бы просмотреть текст своего выступления. Буна отвели в комнату рядом со сценой. Его жена, пришедшая на прием вместе с ним, осталась в гостиной. Его племянница Нина Бун пошла с Буном на случай, если тому что-нибудь понадобится, но он практически сразу отослал ее в гостиную, и Нина ушла.

Вскоре после того, как Бун с племянницей отправились в Комнату убийства – именно так окрестили ее газетчики, – приехала Фиби Гантер, личный секретарь Буна. Она привезла с собой два консервных ножа, два разводных ключа, две мужские рубашки, две авторучки и детскую коляску. Эти вещи должны были фигурировать в качестве экспонатов, иллюстрирующих отдельные положения речи Буна. Мисс Гантер пожелала немедленно доставить их своему шефу, и кто-то взялся проводить ее в Комнату убийства. Этот некто, член НАП, толкал перед собой коляску с экспонатами, вызывая иронические возгласы гостей. Мисс Гантер оставалась с Буном не больше двух минут. Она вручила ему экспонаты и отправилась в гостиную выпить коктейль, объяснив, что Бун выразил желание остаться в одиночестве.

В семь тридцать собравшиеся в гостиной были приглашены в бальный зал, и тысяча четыреста человек начали усаживаться за столы, а официанты уже готовы были ринуться в бой. Около семи сорока пяти появился мистер Элджер Кейтс, руководитель аналитического отдела Бюро регулирования цен. Он привез последние данные, которые Бун должен был использовать в своем выступлении. Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент НАП, велел официанту проводить его к Буну. Официант провел Кейтса за сцену и показал Комнату убийства.

Элджер Кейтс и обнаружил тело. Бун лежал на полу, голова его была размозжена разводным ключом, валявшимся рядом. То, что в первую очередь сделал Кейтс, расценивалось газетами одинаково. Правда, одни ограничивались намеками, другие прямо называли вещи своими именами, заявляя, что ни один сотрудник Бюро регулирования цен ни в чем не доверяет членам НАП, считая их готовыми на все, вплоть до убийства. Во всяком случае, вместо того чтобы вернуться в зал и сообщить о случившемся, Кейтс нашел за сценой телефон, позвонил управляющему отелем и велел немедленно вызвать полицию.

К вечеру четверга, через сорок восемь часов после того, как произошло убийство, была собрана тысяча деталей, например на рукоятке разводного ключа была обнаружена только грязь, ни отпечатков, ни чего-либо еще и так далее и тому подобное, но основную картину я в своем отчете нарисовал.

Глава 7

В пятницу произошла первая поклевка. Так как каждое утро с девяти до одиннадцати Вулф проводит в оранжерее, я был в кабинете один, когда раздался звонок. Последовала обычная для мира секретарей рутина.

– Мисс Хардинг просит к телефону мистера Вулфа.

Если я начну излагать весь мой разговор сперва с замороженной секретаршей, а затем с мисс Хардинг, это займет не меньше двух страниц. Короче говоря, я сумел втолковать мисс Хардинг, что, когда Вулф занимается орхидеями, он недоступен. Она поинтересовалась, когда мистер Вулф освободится и сможет приехать к мистеру Эрскину, и я объяснил, что мой шеф редко покидает дом, тем более по делам.

– Мне это известно! – отрезала она; по-видимому, провела без сна еще одну ночь. – Но ведь его вызывает сам мистер Эрскин!

Я понял, что рыбка на крючке, и сделал подсечку:

– Это для вас он мистер Эрскин, а для мистера Вулфа – никто. Мистер Вулф не любит работать даже дома.

Меня попросили не вешать трубку, и я терпеливо ждал. Это продолжалось минут десять. Наконец снова послышался ее голос:

– Мистер Гудвин?

– Постаревший и набравшийся мудрости, но все еще он.

– Мистер Эрскин приедет в контору мистера Вулфа сегодня в половине пятого.

Я начал раздражаться:

– Послушайте, мисс Общественные Связи, почему бы вам не упростить дело, дав мне возможность поговорить с мистером Эрскином? Если он приедет в половине пятого, ему придется ждать целых полтора часа. Я же говорил вам: мистер Вулф занимается орхидеями утром с девяти до одиннадцати и с четырех до шести вечера, и ничто, повторяю, ничто не может изменить этого распорядка дня.

– Просто смехотворно!

– Не спорю. Однако это так.

– Обождите у телефона.

Мне так и не удалось поговорить с мистером Эрскином – слишком великая честь для меня. Однако, преодолев уйму препятствий, мы достигли соглашения. Когда в одиннадцать часов Вулф спустился в кабинет, я объявил:

– Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент Национальной ассоциации промышленников, вместе с сопровождающими его лицами соизволит прибыть сюда в десять минут четвертого.

– Приемлемо, Арчи, – пробормотал Вулф.

Откровенно говоря, я хотел бы, чтобы при словах «Приемлемо, Арчи» у меня не так сильно учащалось сердцебиение. Это так по-детски!

Глава 8

Ровно в три часа десять минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь, заметив по дороге Вулфу:

– Это люди того сорта, которых вы часто прогоняете, а что еще хуже, приказываете это делать мне. Сдерживайте себя. Не забывайте про наши финансовые дела, про Фрица, Теодора, Чарли и меня.

Он даже не рыкнул в ответ.

Улов превзошел мои ожидания. В делегации, состоявшей из четырех человек, оказался не один Эрскин, а целых два – отец и сын. Отцу было лет под шестьдесят, но он не произвел на меня особого впечатления. Высокого роста, костлявый и узкоплечий, в дурно сидящем темно-синем костюме, приобретенном в магазине готового платья. И хотя зубы у него были свои, разговаривал он так, словно ему мешала вставная челюсть. Он представил всех: сперва себя, потом остальных. Сына его звали Эдвард Фрэнк, но к нему обращались запросто – Эд.

Двое других – мистер Бреслоу и мистер Уинтерхофф – состояли в исполнительном комитете НАП. Бреслоу выглядел так, будто родился красным от гнева и умрет, когда придет его час, в том же раздраженном состоянии. А Уинтерхофф, если бы это не принижало достоинства члена исполнительного комитета НАП, мог бы подрабатывать, позируя для рекламы виски в качестве импозантного джентльмена. У него даже имелись небольшие седые усики.

Что касается сына (я пока не мог называть его Эд), который был примерно моего возраста, я оставляю за собой право высказать о нем свое мнение позже, так как он был явно с похмелья и страдал от головной боли. Его костюм стоил по крайней мере в три раза дороже отцовского.

Я рассадил их, предоставив Эрскину-старшему красное кожаное кресло перед столом Вулфа, и поставил рядом маленький столик, чтобы на нем можно было развернуть чековую книжку и выписать чек.

– Возможно, это пустая трата времени, мистер Вулф, – заговорил Эрскин-отец, – но по телефону мы не смогли получить удовлетворительной информации. Кто-нибудь поручал вам заняться расследованием известного вам дела?

Вулф приподнял брови на одну шестнадцатую дюйма:

– Какого дела, мистер Эрскин?

– Ну... Вы понимаете... Смерть Чейни Буна...

Вулф задумался.

– Позвольте мне сформулировать свой ответ следующим образом. Я никому не давал согласия на что бы то ни было и не связан никакими обязательствами.

– В случае убийства существует только одно обязательство, – злобно прошипел Бреслоу, – добиться торжества правосудия.

– О боже! – громко вздохнул Эрскин-сын.

– Если хотите, можете уйти, я все сделаю сам! – с раздражением произнес Эрскин-старший и повернулся к Вулфу. – Какое у вас создалось мнение в связи с этим происшествием?

– Мнения экспертов стоят денег.

– Мы вам заплатим.

– Разумную сумму, естественно, – вставил Уинтерхофф.

У него был низкий невыразительный голос, а потому Уинтерхофф явно не прошел бы отбор для рекламы виски в качестве импозантного джентльмена.

– Это не будет ничего стоить, – сказал Вулф, – до тех пор, пока не высказано экспертное мнение, а экспертное мнение может быть высказано только тогда, когда я проделаю определенную работу. А я еще не решил для себя, браться мне за это дело или нет. Я не люблю работать.

– Кто к вам обращался? – поинтересовался Эрскин-старший.

– С вашей стороны, сэр, очень нескромно спрашивать меня об этом. – Вулф погрозил ему пальцем. – А я был бы болтуном, если бы ответил на ваш вопрос. Вы явились сюда с намерением нанять меня?

– Видите ли... – Эрскин-старший замялся. – Это обсуждалось нами как возможный вариант.

– Вами как частными лицами или как представителями Национальной ассоциации промышленников?

– Это обсуждалось как дело, в котором заинтересована ассоциация.

– Решительно не советую вам нанимать меня, – покачал головой Вулф. – Вы рискуете впустую потратить деньги.

– Почему? Разве вы не являетесь хорошим специалистом по расследованию сложных дел?

– Я лучший из всех. Но картина достаточно очевидна. Вас беспокоит лишь репутация и положение ассоциации. Общественное мнение уже вынесло свой вердикт. Всем известно, что ваша ассоциация настроена чрезвычайно враждебно по отношению к Бюро регулирования цен и, в частности, к мистеру Буну и проводимой им политике. Девять человек из десяти уверены в том, что они знают, кто убил мистера Буна: Национальная ассоциация промышленников. – Вулф посмотрел на меня. – Арчи, что сказал человек в банке?

– О, только ту остроуту, что уже всю гуляет. Что НАП расшифровывается как Настоящие и Абсолютные Преступники.

– Но ведь это абсурд!

– Разумеется, – согласился Вулф. – Однако общественное мнение есть общественное мнение. НАП осуждена, и приговор вынесен. Единственный путь исправить положение заключается в том, чтобы отыскать истинного убийцу и предать его суду. А вдруг убийцей окажется член вашей ассоциации? Правда, в этом случае недоброжелательство общества перекинется на непосредственного убийцу и если не полностью, то в значительной степени отвлечет внимание от ассоциации.

Наши посетители переглянулись. Уинтерхофф мрачно кивнул, а Бреслоу крепко сжал губы, чтобы не взорваться. Эд Эрскин посмотрел на Вулфа так, словно тот был причиной его головной боли.

– Вы говорите, что общественное мнение осудило НАП, – заговорил Эрскин-отец. – Если бы только оно! С ним солидарны полиция и ФБР! Они действуют прямо как гестапо. Члены такой старой и почтенной организации, как наша ассоциация, казалось бы, должны иметь некоторые права и привилегии. Ничего похожего! Знаете ли вы, что делает полиция? Связалась чуть ли не со всеми городами Соединенных Штатов! Требуем от иногородних членов ассоциации, присутствовавших на приеме и уже вернувшихся домой, прислать письменные показания!

– М-да... – вежливо пробурчал Вулф. – Но я надеюсь, местная полиция снабдит их бумагой и чернилами.

– Что?! – вскинулся Эрскин-старший.

– Какое, черт побери, это имеет отношение к делу?! – возмутился его сын.

Вулф оставил их благородное негодование без ответа.

– Вероятность того, что полиция найдет убийцу, весьма мала. Правда, не изучив внимательно всех обстоятельств дела, я не могу высказать свое мнение как эксперт, но повторяю: мне кажется сомнительным, что полиция отыщет убийцу. Прошло уже трое суток. Вот почему я не рекомендую вам нанимать меня. Следует признать, однако, что, в какую бы сумму это ни обошлось вашей ассоциации, обнаружение убийцы стоит любых денег, даже если выяснится, что убийцей является один из вас, джентльмены. Если бы меня принудили вести это дело, я

бы взялся за него с неохотой. Сожалею, что вам пришлось зря потратить время на посещение моего дома. Арчи!

Это был намек на то, что я должен продемонстрировать хорошие манеры, проводив посетителей до дверей. Я встал. Они нет. Вместо этого они переглянулись.

– Я бы рискнул, Фрэнк, – произнес Уинтерхофф, обращаясь к Эрскину-старшему.

– А что нам еще остается? – горестно спросил Бреслоу.

– О боже, жаль, что его нельзя оживить! Все лучше, чем так, – пробурчал Эд.

Я сел.

– Мы деловые люди, мистер Вулф, – сказал Эрскин-старший. – И понимаем, что вы не можете дать нам гарантий. Но если мы уговорим вас приняться за это дело, чем конкретно мы будем вам обязаны?

Не меньше десяти минут ушло у них на то, чтобы уговорить Вулфа, и все они, даже Эд, явно почувствовали облегчение, когда Вулф наконец сдался. Основным и самым убедительным доводом стали слова Бреслоу о том, что первейший долг каждого – помочь свершить правосудие. К сожалению, столик для чековой книжки не пригодился, поскольку в НАП пользовались ваучерами. Была достигнута договоренность об авансе в десять тысяч долларов. Вопрос об окончательном гонораре остался открытым. Они были загнаны в угол. Под диктовку Вулфа я настучал на машинке договор, и Эрскин-старший подписал его.

– Итак, – сказал он, возвращая мне авторучку, – я думаю, будет лучше, если мы расскажем вам все, что знаем о деле.

– Только не сейчас, – покачал головой Вулф. – Я должен систематизировать свои мысли по поводу этой запутанной истории. Будет лучше, если вы вернетесь сюда вечером, скажем в девять часов.

Они хором запротестовали. Уинтерхофф заявил, что у него деловая встреча, которую нельзя отменить.

– Как вам будет угодно, сэр. Если ваша встреча важнее этого дела... Но мы должны приступить к работе без промедления. – Вулф обернулся ко мне. – Арчи, возьми блокнот и запиши телеграмму: «Прошу принять участие в совещании по поводу убийства мистера Буна, которое состоится у Ниро Вулфа в девять часов вечера в пятницу, двадцать девятого марта». Поставь мою подпись. Немедленно разошли телеграммы мистерию Кремеру, мистерию Спиру, мистерию Кейтсу, мисс Хантер, миссис Бун, мисс Нине Бун, мистерию Роде. Возможно, и еще кому-нибудь. Позже решим... Готовы ли вы присутствовать, джентльмены?

– Боже мой! – проворчал Эд. – Почему бы вам не собрать эту толпу в Большом бальном зале «Уолдорфа»?

– Мне кажется, – горестно произнес Эрскин-старший, – вы совершаете ошибку. Основной принцип...

– Расследование веду я! – оборвал его Вулф тем тоном, какой члены НАП позволяют себе лишь по отношению к людям, чьи размашистые подписи никогда не встречаются на бланках фирм против фамилий владельцев и директоров.

Телеграммы были срочные, и я сел за машинку. А Вулф, который не любит лишний раз подниматься со своего кресла, вызвал Фрица, чтобы тот проводил гостей. Пока я печатал текст телеграммы и список имен и адресов, хотя куда проще и быстрее было бы связаться со всеми этими людьми по телефону, так как с некоторыми адресами возникли проблемы, Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Его абсолютно не беспокоили подобные мелочи, поэтому я позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт» и узнал у него нужные мне адреса. Лону было известно все. Они приехали из Вашингтона ради речи, которая так и не была произнесена, и еще не успели покинуть город. Миссис Бун и ее племянница остановились в «Уолдорфе», Эджер Кейтс – у приятеля на Одиннадцатой улице, а Фиби Хантер, личный секретарь Буна, поселилась на Восточной Пятьдесят пятой.

Закончив работу, я спросил у Вулфа, кого еще он хочет видеть, и Вулф ответил, что никого. Я встал, потянулся и посмотрел на Вулфа.

– Осмеливаюсь предположить, – заметил я, – что нам остается всего-навсего собрать улики. У Эда Эрскина на руках мозоли. Может ли это вам пригодиться?

– Убирайся к черту! – Вулф вздохнул. – А я-то хотел сегодня дочитать книгу... А теперь эта адская кутерьма.

Наклонившись вперед всей своей тушей, Вулф позвонил Фрицу, чтобы тот принес пива.

Я стоял возле шкафа и раскладывал по папкам записи об этапах созревания, которые Теодор принес из оранжереи. Должен признать, Вулф действительно заслужил мое восхищение. Не своей идеей найти богатых клиентов – это обычное дело, особенно во время безденежья. Не тем способом, каким он заполучил платежеспособных клиентов, – до такого я и сам мог додуматься. И не тем, как вынудил промышленников умолять его взяться за ведение дела, – это избитый прием. Даже не дерзким ходом с телеграммами. Приходить в восторг от дерзости Вулфа – все равно что умиляться снегу на Северном полюсе или зеленой листве в тропических лесах. Нет. Я восхищался рациональностью его мышления. Итак, он захотел познакомиться со всеми этими людьми. Что бы вы сделали в подобном случае? Надели бы шляпу и отправились туда, где находится интересующий вас человек. Но что, если вам претит сама идея надеть шляпу и выйти на улицу? Вы бы пригласили этого человека к себе. Но были бы вы уверены, что он придет? Вот тут и проявилась рациональность мышления Вулфа. Возьмите, к примеру, инспектора Кремера. Почему он, глава убойного отдела, обязательно должен прийти? Да потому, что не знает, чего ради Вулф занялся этим делом и насколько глубоко зарылся в него! Именно поэтому Кремер не мог позволить себе остаться в стороне. Так же, как и все остальные.

Ровно в четыре Вулф сделал последний глоток пива и на лифте поднялся в оранжерею. Я принялся наводить порядок в кабинете, а потом уселся за свой рабочий стол с пачкой газетных вырезок – проверить, не упустил ли чего-нибудь существенного в своем отчете по делу Буна. Я был углублен в работу, когда раздался звонок. Открыв дверь, я увидел перед собой агента по продаже пылесосов. Во всяком случае, судя по внешнему виду, передо мной был типичный агент. У него был незамутненный, дружелюбный взгляд и улыбка. Правда, такой костюм, как у него, я мог купить только после смерти богатого дядюшки.

– Привет! – радостно воскликнул он. – Бьюсь об заклад, что вы Арчи Гудвин. Это вы приходили вчера к мисс Хардинг? Она рассказала мне о вас. Или вы не Арчи Гудвин?

– Арчи Гудвин, – подтвердил я, поскольку это был, пожалуй, самый простой способ заставить его умолкнуть.

– Так я и думал. – Он казался вполне удовлетворенным. – Позвольте войти? Я хотел повидать мистера Вулфа. Я Дон О’Нил, но, конечно, для вас это пустой звук. Я президент корпорации «О’Нил и Уордер» и член этого забытого богом собрания древностей под названием Национальная ассоциация промышленников. Я был председателем банкетной комиссии в «Уолдорфе». Поверьте, никогда не забуду того вечера! Председатель комиссии допустил, чтобы на его банкете убили главного оратора!

Первой моей мыслью было то, что я довольно сносно прожил больше тридцати лет и не будучи знакомым с Доном О’Нилом, а потому не видел причин, почему бы мне не продолжать жить по-прежнему. Но в то же время я не мог допустить, чтобы мои личные симпатии и антипатии влияли на выполнение служебных обязанностей. Поэтому я провел его в кабинет и усадил в кресло, после чего сказал, что ему придется обождать полчаса, пока не освободится Вулф. На его лице мелькнуло раздражение, но, тотчас же сообразив, что так не продашь ни одного пылесоса, он сказал, что с удовольствием подождет.

Он был в восторге от нашей обстановки и принялся бродить по кабинету, разглядывая все вокруг. Книжки – что за библиотека! Большой глобус – чудо! Он всегда мечтал о таком, но никак не собрался приобрести, а теперь обязательно...

Вошел Вулф, увидел его и бросил на меня недовольный взгляд. Действительно, я должен предупредить его о посетителях, чтобы он не появлялся в кабинете не подготовленным к встрече. Однако ставлю десять против одного, что, если бы я доложил ему о приходе О'Нила, он отказался бы принять его и велел пригласить на вечер вместе со всей компанией. Между тем я вовсе не видел необходимости еще в одной трехчасовой передышке для мозгов Вулфа. Он так надулся на меня, что сделал вид, будто не признает рукопожатий, и лишь наклонил голову, самую малость, так что, будь на ней кувшин с водой, не пролилось бы ни капли, потом сел, хмуро поглядев на посетителя, и отрывисто спросил:

– Итак, сэр?

О'Нила это не встревожило.

– Я восторгаюсь вашим кабинетом, – сказал он.

– Благодарю вас. Но, смею думать, вы явились сюда не ради этого.

– О нет, конечно нет. Будучи председателем банкетной комиссии, я помимо своей воли оказался в гуще событий – я имею в виду убийство этого Буна... Не скажу, что я замешан в нем, это слишком сильное слово, лучше сказать – меня это касается. Действительно, меня это касается.

– А разве кто-нибудь предполагает, что вы замешаны?

– Предполагает?! – О'Нил выразил крайнее удивление. – Это еще мягко сказано. Полиция считает, что все, кто связан с НАП, замешаны в убийстве. Вот почему я утверждаю, что линия поведения исполнительного комитета в корне неправильна. Не поймите меня превратно, мистер Вулф... – Он умолк, бросив на меня дружелюбный взгляд, словно записав меня в члены Общества уважаемых граждан, понимающих О'Нила правильно, затем продолжил: – Я являюсь одним из самых прогрессивных членов ассоциации. Я был сторонником Уэнделла Уилки. Но идею сотрудничать с полицией, учитывая то, как они работают, и, более того, тратить наши деньги на частное расследование считаю вздорной. Мы должны заявить полиции, и заявить недвусмысленно: да, было совершено убийство, и, как добропорядочные граждане, мы надеемся, что убийца будет изобличен, но мы не имеем к расследованию никакого отношения, и вообще это не наше дело.

– И еще заявить, чтобы они больше вас не беспокоили.

– Верно. Совершенно верно. – О'Нил был счастлив найти родственную душу. – Я как раз находился в офисе ассоциации, когда они вернулись и сказали, что наняли вас для проведения расследования. Я хочу внести ясность, потому что не люблю действовать за чьей-либо спиной. Но я так не работаю. Мы еще раз поспорили, и я заявил, что иду повидаться с вами.

– Превосходно. – Глаза Вулфа были открыты, а это означало одно из двух: или ему скучно и ничего нового он не узнал, или ему просто не хотелось включать мозги до девяти вечера. – Хотите уговорить меня отказаться от этого дела?

– О нет. Я понял, что это безнадежно. Вы не откажетесь. Ведь так?

– Боюсь, что да. Для этого нужна очень веская причина. Как выразился мистер Бреслоу, самое главное – это торжество правосудия. Такова его позиция. Моя позиция – это то, что мне нужны деньги. А вы, интересно, зачем явились?

О'Нил улыбнулся мне, словно желая сказать: «Ну и тонкая штучка твой босс!» – но, не встретив сочувствия, повернулся с той же улыбкой к Вулфу:

– Я рад, что вы зрите в корень. Скажу откровенно, меня привело сюда чувство ответственности. Как председателя банкетной комиссии. Я видел копию письма, которое вам оставил Фрэнк Эрскин, но не знаю подробностей вашей беседы. Однако десять тысяч долларов задатка?! За простое расследование? Сумма невообразимая! На своих предприятиях я нани-

маю детективов. Ну, понимаете, для решения разных трудовых споров. И меня, вполне естественно, заинтересовало, действительно это простое расследование или нет. Я прямо спросил Эрскина, нанял ли он вас для того, чтобы оградить членов нашей ассоциации. Ну, как бы это сказать... Отвлечь внимание, что ли. Он ответил отрицательно. Но я знаю Фрэнка Эрскина. Его ответ меня не удовлетворил. Так я ему и сказал. К несчастью, у меня есть совесть и сильно развито чувство ответственности. Поэтому я и пришел спросить вас...

Вулф скривил губы, но от смеха или негодования – не могу сказать. Его реакция на оскорбление зависит исключительно от того, как он себя чувствует в данный момент. Когда на него нападает лень, он и бровью не поведет, даже если кто-нибудь скажет, что он специализируется на добывании улики для бракоразводных дел.

– Я тоже отвечу вам отрицательно, мистер О’Нил. Но боюсь, это вам не поможет. Предположим, что мистер Эрскин и я – мы оба лжем. Ну и что вы сможете сделать? Разве что отправиться в полицию и обвинить нас в препятствии правосудию. Но ведь вы и полицию не жалуете. Сегодня к девяти часам вечера мы пригласили сюда несколько человек, чтобы обсудить это дело. Почему бы и вам не прийти?

– Я приду. Обязательно приду. Я так и сказал Эрскину.

– Вот и хорошо. Тогда не буду вас больше задерживать. Арчи...

Это было вовсе не так просто. О’Нил еще не собирался уходить. Чувство ответственности удерживало его. В конце концов я все же выпроводил его, не прибегая к физической силе. Заперев за ним дверь, я вернулся в кабинет.

– Как вы думаете, зачем он сюда явился? Конечно, я понимаю, это он убил Буна. Но зачем он тратил и свое время, и наше...

– Это ты его впустил, – холодно отозвался Вулф. – И не предупредил меня. Ты, кажется, забыл, что...

– Ладно-ладно, – весело перебил я Вулфа. – Все это помогает изучению человеческой природы. Я его впустил, я же его и выставил. А теперь нам нужно подготовиться к приему гостей. Сколько их будет? Человек двенадцать, не считая нас?

И я стал решать проблему, как всех рассадить. В кабинете было шесть кресел, а на диване свободно уместятся четверо, однако, когда речь идет о расследовании убийства, произошедшего всего три дня назад, вряд ли найдутся четыре замешанных в этом деле человека, которые выразят желание сидеть бок о бок. Пожалуй, лучше иметь побольше посадочных мест, и я принес еще пять из гостиной, окнами на улицу, и расставил их в художественном беспорядке, а не рядами, что было бы слишком официально. И хотя комната была приличных размеров, она сразу показалась мне чересчур загроможденной. Я прислонился к стене и, нахмурившись, оглядел свою работу.

– Наш кабинет явно нуждается в женской руке, – заметил я.

– Вздор! – рявкнул Вулф.

Глава 9

В четверть одиннадцатого Вулф, задумчиво прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Совещание длилось уже более часа.

Их было тринадцать человек. Благодаря моей предусмотрительности в отношении посадочных мест все обошлось без драки. Контингент промышленников расположился в дальней от моего стола половине кабинета, ближе к двери в прихожую. Эрскин занимал красное кожаное кресло. Промышленников было шестеро: четверо членов дневной делегации, включая Уинтерхоффа, который должен был находиться на неотложной встрече, плюс Хэтти Хардинг и Дон О'Нил.

Ближе ко мне расположились представители Бюро регулирования цен. Этим набралось четверо: миссис Бун, вдова; Нина Бун, племянница; Эджер Кейтс и некий Соломон Декстер, явившийся незванным. Ему было около пятидесяти, скорее меньше, чем больше, и выглядел он как нечто среднее между политиком и лесорубом. До смерти Буна Декстер являлся его заместителем, а ныне уже сутки исполнял обязанности директора бюро. И пришел он по долгу службы, о чем и сообщил Вулфу.

Между двумя враждебными армиями находились нейтральные стороны, или арбитры: Спиро из ФБР, инспектор Кремер и сержант Пэрли Стеббинс. Я знал, что Кремер заслуживал красного кожаного кресла, но он был нужен мне в центре, о чем я так прямо ему и сказал. К четверти одиннадцатого Кремер был таким взбешенным, каким я еще сроду его не видел. Он уже давно сообразил, что Вулф начал свое расследование с нуля и организовал это собрание исключительно для того, чтобы собирать, а не предоставлять информацию.

Произошла всего одна безуспешная попытка нарушить мою идеальную рассадку. Миссис Бун с племянницей приехали раньше девяти, а так как я не могу пожаловаться на плохое зрение, то без колебаний усадил племянницу в желтое кресло рядом с моим столом. Когда несколько позже явился Эд Эрскин, я посадил его в той половине комнаты, которую занимали представители ассоциации. Мне пришлось ходить туда-сюда, чтобы встретить гостей, и, вернувшись в очередной раз в кабинет, я заметил, что Эд бесцеремонно перебрался в мое кресло и беседует с племянницей.

– Эта половина комнаты предназначена для Капулетти, – сказал я, приблизившись. – Будьте добры, вернитесь на свое место.

Он повернул голову, вздернул подбородок и уставился на меня. Его мутный взгляд не сулил ничего хорошего. Очевидно, он придерживался теории наличия приобретенного иммунитета к похмелью. Справедливости ради стоит сказать, что он не был пьян в зюзю, но и сухим как лист его тоже трудно было назвать.

– А? Что? – спросил он.

– Это мое место. Я здесь работаю, – отрезал я. – Давайте не будем делать из этого проблему.

Он пожал плечами и пересел.

– С кем только не приходится сталкиваться в офисе детективного агентства! – любезно обратился я к мисс Нине Бун.

– Полагаю, что так, – отозвалась она.

Не слишком глубокомысленное замечание, однако я улыбнулся ей, желая показать, как ценю то, что она взяла себе за труд поддержать разговор, несмотря на нервное напряжение. У нее были темные волосы, карие глаза и упрямый подбородок.

С того самого момента, как Вулф сообщил, что работает на Национальную ассоциацию промышленников, представители Бюро регулирования цен стали поглядывать на него подозрительно и враждебно. Конечно, те, кто читает газеты и слушает радио, в том числе и я, знали,

что члены ассоциации ненавидели Чейни Буна и все, за что он ратовал. Они с радостью швырнули бы его на съедение волкам, а сотрудники бюро, в свою очередь, с удовольствием собрали бы всех членов НАП на необитаемом острове, чтобы сбросить на них атомную бомбу. Но до этого вечера я даже не представлял, насколько накалены их отношения. К давней вражде примешивались два новых обстоятельства. Первое – убийство Чейни Буна, да не где-нибудь, а на приеме, устроенном ассоциацией. Второе – надежда, что кто-нибудь из неприятельского стана будет арестован, судим, приговорен и казнен на электрическом стуле.

К четверти одиннадцатого были затронуты многие вопросы как тривиальные, так и важные. Следует заметить, что, по убеждению бюро, все присутствовавшие в тот вечер в гостиной, а возможно, и многие другие были в курсе, что Бун находится в комнате за сценой, в Комнате убийства, в то время как промышленники утверждали, что об этом знали не более четырех-пяти человек, не считая присутствовавших там сотрудников бюро. Установить истинное положение вещей было практически невозможно.

Никто, включая работников отеля, не слышал шума, донесшегося из Комнаты убийства, и не видел, чтобы кто-нибудь входил туда или выходил оттуда, за исключением тех, кому это было положено.

Никого нельзя было исключить из списка возможных убийц по причине возраста, комплекции или пола. Атлетически сложенный молодой мужчина, конечно, размахнется разводным ключом сильнее, чем, скажем, пожилая любительница игры в бридж, но что один, что другая вполне могли быть убийцами. Никаких следов борьбы обнаружено не было. Любой удар, нанесенный сзади, мог оглушить или убить Буна. Дж. Дж. Спиро из ФБР включился в дискуссию и в ответ на саркастическое замечание Эрскина-старшего заявил, что расследование местных убийств не входит в обязанности ФБР, но, поскольку Бун был убит при исполнении обязанностей правительственного чиновника, министерство юстиции проявило законный интерес к этому делу и откликнулось на поступившую от полиции Нью-Йорка просьбу о сотрудничестве.

Оставалось совершенно непонятным, кто мог убить Буна, если только он сам себя не убил, поскольку абсолютно у всех было алиби. Говоря «абсолютно у всех», я имею в виду не только присутствовавших в кабинете Вулфа – у меня не было причин подозревать, что убийца находится среди нас, – но и тысячу четыреста или тысячу пятьсот человек, находившихся в отеле «Уолдорф» на приеме. Убийство было совершено в течение получаса, между семью пятнадцатью, когда Фиби Гантер оставила Буну детскую коляску с экспонатами, среди которых были и два разводных ключа, и семью сорока пятью, когда Эджер Кейтс обнаружил тело. Полиция провела тщательную проверку – у всех было алиби, особенно у тех, кто находился в гостиной. Однако закавыка заключалась в том, что промышленники подтверждали алиби промышленников, а представители бюро – членов бюро. Как ни странно, никто из НАП не подтверждал алиби сотрудников бюро, и наоборот. Взять, к примеру, миссис Бун, вдову: ни один из членов ассоциации промышленников не мог утверждать, покидала ли она гостиную между семью пятнадцатью и семью сорока пятью. Сотрудники бюро, в свою очередь, ничего не могли сказать о Фрэнке Томасе Эрскине, президенте НАП.

Не имелось также свидетельств того, что целью убийства было помешать Буну произнести свою речь. Речь была совершенно в его стиле, весьма умеренной, не содержащей никаких выпадов и угроз в чей-либо адрес. Судя по предварительному тексту, розданному представителям прессы, в ней не упоминалось ни одной фамилии. Да и дополнения, внесенные Буном в последний момент, не содержали ничего такого, что указывало бы на возможного убийцу.

Новое обстоятельство, о котором ничего не сообщалось в газетах, выплыло совершенно случайно благодаря миссис Бун. Из всех приглашенных к нам не явилась только Фиби Гантер, личная секретарша Буна. Ее имя, конечно, неоднократно упоминалось в течение заседания, но именно миссис Бун открыла нам новое обстоятельство. У меня создалось впечатление, что

она проделала это умышленно. До того момента она ничем не привлекала внимания, дама в летах и весьма пышная, но не толстая и вполне ухоженная, с пуговкой вместо носа.

Вулф вернулся к вопросу о прибытии Чейни Буна в отель «Уолдорф». Кремер, который к тому времени уже был готов послать всех к черту и испариться, саркастически произнес:

– Я пришлю вам экземпляр своих записей. А пока Гудвин может занести в протокол следующее: Бун с супругой, Нина Бун, Фиби Гантер и Элджер Кейтс должны были выехать из Вашингтона поездом, отходящим в час дня, но Бун задержало какое-то срочное совещание, в связи с чем он не смог выехать вместе со всеми. Прибыв в Нью-Йорк, миссис Бун отправилась в отель «Уолдорф», где был заказан номер, а Нина Бун, Фиби Гантер и Элджер Кейтс поехали в нью-йоркское отделение Бюро регулирования цен. Бун прилетел самолетом в аэропорт Ла-Гуардия в пять минут седьмого, после чего сразу же отправился в отель и поднялся к себе в номер. Там к этому времени, кроме его супруги, уже находилась племянница. Они втроем спустились в бальный зал, и их сразу проводили в гостиную. У Буна, кроме небольшого кожаного чемоданчика, не было ни шляпы, ни пальто.

– Тот самый чемоданчик, – неожиданно вставила миссис Бун, – который мисс Гантер, по ее словам, забыла на подоконнике.

Я бросил на вдову укоризненный взгляд. Первое свидетельство раскола в рядах сторонников бюро, и то, как миссис Бун произнесла «по ее словам», звучало крайне зловеще. И понеслось. Хэтти Хардинг из НАП тут же подхватила тему:

– И мисс Гантер совершенно не права, потому что четыре разных человека видели у нее в руке этот чемоданчик, когда она выходила из гостиной!

– Это просто удивительно, как... – фыркнул Соломон Декстер.

– Прошу вас, сэр! – погрозил ему пальцем Вулф. – Какой такой чемоданчик? Дипломат? Несессер?

– Небольшой кожаный саквояж, – пришел на помощь Кремер. – Вроде тех, что носят врачи. В нем были валики для диктофона. Мисс Гантер описала его мне. Когда во вторник вечером она прикатила коляску с экспонатами в комнату, где произошло убийство, Бун сказал ей, что совещание в Вашингтоне закончилось раньше, чем он предполагал, поэтому он заехал в офис и в течение часа работал с диктофоном. Валики с записями он привез в Нью-Йорк в том самом чемоданчике и попросил секретаршу расшифровать записи. Она взяла чемоданчик с собой в гостиную, куда пришла выпить коктейль, и забыла на подоконнике. Вот и все.

– Это она так говорит, – упрямо повторила миссис Бун.

– Чепуха! – злобно посмотрел на нее Декстер.

– А вы видели у нее в руках чемоданчик, когда она выходила из гостиной? – спросила Хэтти Хардинг.

Взоры присутствующих обратились к вдове. Она оглядела всех. Одно ее слово – все станет ясно. Она либо предательница, либо нет. Вдова недолго размышляла над подобной альтернативой. Встретив взгляд Хэтти Хардинг, миссис Бун отчетливо произнесла:

– Нет.

Все вздохнули. Вулф повернулся к Кремеру:

– Что было надиктовано на валиках? Письма? Что именно?

– Мисс Гантер не знает. Бун ей ничего не сказал. В Вашингтоне тоже никто не знает.

– А о чем шла речь на том совещании, которое закончилось раньше, чем предполагал Бун?

Кремер покачал головой.

– С кем было совещание?

Кремер снова покачал головой.

– Мы пытались выяснить это в Вашингтоне, – сказал Дж. Дж. Спиро. – Ни о каком совещании ничего не известно. Мы также не знаем, где провел Бун время между часом и тремя

дня. Единственная версия состояла в том, что с Буном пожелал встретиться глава вашингтонского отделения НАП, чтобы обсудить предстоящую речь. Однако тот это отрицает.

– Ей-богу, сколько можно?! – взорвался Бреслоу. – Чуть что, так сразу человек из ассоциации! Чертовски глупо с вашей стороны, Спиро! Не забывайте, на чьи деньги содержатся сотрудники ФБР! На деньги налогоплательщиков!

И они стали щедро поливать друг друга грязью. Вулф подобных вещей явно не поощрял.

– Вам не нравится, что ваша ассоциация упоминается так часто. Но тут уж ничего не поделаешь, сэр, – обратился он к Бреслоу. – При расследовании убийства подозреваются все, у кого имелись мотивы для совершения преступления. Вы слышали, как инспектор Кремер в начале нашей беседы говорил, что тщательное расследование не выявило ни улики, ни наличия у убитого личных врагов. Однако вы не станете отрицать, что у мистера Буна в связи с его служебным положением было много врагов, причем в основном члены НАП.

– Только один вопрос, мистер Вулф. Разве убийцей всегда является враг убитого? – спросил Уинтерхофф.

– Вот сами и ответьте, – сказал Вулф. – Вы ведь для этого и спросили.

– Нет, не всегда, – возразил Уинтерхофф. – В порядке иллюстрации своей мысли приведу такой пример. Вы не можете утверждать, что присутствующий здесь мистер Декстер был врагом мистера Буна. Напротив, они были друзьями. Но если мистер Декстер стремился занять пост директора Бюро регулирования цен, каковым он теперь является, почему бы ему не принять кое-какие тайные меры, чтобы директорское кресло стало свободным? Кстати, замечая следы, он мог умышленно бросить тень на членов организации, которую смертельно ненавидит, что и произошло.

Соломон Декстер улыбнулся ему, но как-то не слишком ласково:

– Мистер Уинтерхофф, вы, кажется, хотите быть привлеченным к суду за клевету?

– Ну что вы... Я ведь сказал «в порядке иллюстрации своей мысли».

– Однако тут имеется одна загвоздка. В четверг я до одиннадцати вечера был в Вашингтоне. Ну и что вы на это скажете?

– И тем не менее мистер Уинтерхофф высказал вполне разумное предположение, – отрезал Фрэнк Томас Эрскин.

– Одно из многих, – подхватил Бреслоу. – Можно упомянуть и другие. Они общеизвестны. Так почему бы о них не сказать? Вот, например, уже несколько месяцев ходят слухи о близких отношениях мистера Буна с его секретаршей Фиби Гантер и о том, потребует миссис Бун развода или нет. Можно задуматься и о другом. Поэтому имеется причина, причем, с точки зрения мисс Гантер, довольно веская, для развода Буна с женой, вне зависимости от желания миссис Бун. Ну и что скажете на это, инспектор? Разве при расследовании дел об убийстве не положено интересоваться подобными вопросами?

Элджер Кейтс вскочил с места и дрожащим голосом воскликнул:

– Я протестую против подобных инсинуаций! Это в крайней степени непристойно!

Его лицо побелело от негодования. Я и подумать не мог, что он способен на такое. Именно Кейтс, начальник аналитического отдела Бюро регулирования цен, привез в отель «Уолдорф» последние данные, которые могли понадобиться Буну для его речи, и обнаружил тело. Если бы я увидел его в метро и меня попросили бы угадать род его занятий, то не задумываясь сказал бы: «Аналитик». Он идеально подходил по всем параметрам: по весу, цвету лица и объему грудной клетки. Но то, как пылко он встал на защиту чести своего учреждения, заслуживало уважения. Я ухмыльнулся ему.

Судя по реакции, вызванной его словами, можно было подумать, что промышленники больше всего боятся и ненавидят аналитический отдел Бюро регулирования цен. Все словно с цепи сорвались. Я уловил лишь две реплики: одну сделал Бреслоу, внесший посильную лепту в стоящий в комнате гам, ну а вторую произнес начальственным тоном Дон О'Нил:

– Не вмешивайтесь не в свое дело, Кейтс! Сядьте и заткнитесь!

Повелительный тон О'Нила показался мне довольно странным, ведь Кейтс состоял на службе не у него. Следом за О'Нилом Эрскин-старший развернулся в своем красном кожаном кресле лицом к Кейтсу и язвительно заметил:

– Раз вы не сочли нужным сообщить президенту НАП о случившемся, уж кому-кому, но только не вам говорить о том, что пристойно, а что нет!

Так вот почему они набросились на него! Потому что он сообщил об убийстве Буна в первую очередь управляющему отелем, а не им! Да, пожалуй, ему не следовало ранить их нежные души.

– Надеюсь, мистер Кейтс, – продолжил Эрскин, – вам известно, что такие чувства, как ревность, мстительность или зависть, зачастую приводят к насилию, а потому являются вполне пристойной темой при расследовании убийства. В этой связи было бы уместно спросить вас, например, действительно ли вы планировали жениться на племяннице мистера Буна. И не собирался ли он помешать свадьбе, поскольку не одобрял...

– Вы лжец! – крикнула Нина Бун.

– Пристойно там или непристойно, но вы определенно не вправе спрашивать меня о чем-либо, – дрожащим фальцетом произнес Кейтс. – Если бы подобный вопрос мне задали в полиции, я бы ответил, что это соответствует действительности лишь отчасти. По меньшей мере двести наших сотрудников хотели и, смею предположить, до сих пор хотят жениться на племяннице мистера Буна. И мне не показалось, что мистер Бун имел какое-то определенное мнение по поводу замужества своей племянницы. – Кейтс повернулся, избирая себе новую мишень. – Я хотел бы поинтересоваться у мистера Вулфа, который лично признался, что его услуги оплачивает НАП, не приглашены ли мы сюда для инквизиционного процесса, типичного для этой организации?

– А я, – заговорил Соломон Декстер голосом, похожим на гудок паровоза в туннеле, – хотел бы проинформировать мистера Вулфа о том, что он далеко не единственный детектив, состоящий на службе ассоциации. Вот уже почти год за ответственными сотрудниками нашего бюро ходят хвостом частные сыщики. И самым бесстыдным образом копаются в их биографии в надежде отыскать порочащие сведения. Не знаю, принимает ли мистер Вулф участие в этих операциях, но...

Представители НАП, исполненные благородного негодования, начали громко все отрицать. Если бы я предусмотрительно не рассадил враждующие армии, возможно, они сошлись бы в рукопашном бою. Вулф выглядел раздраженным, но он и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить начавшуюся свару, должно быть, из опасения, что это потребует больше энергии, чем ему хотелось бы израсходовать. Но тут инспектор Кремер встал с места и поднял руку, восстановив тем самым относительную тишину.

– Перед тем как уйти, я хотел бы сказать три вещи, – пробасил он. – Первое. Мистер Декстер, могу вас заверить, что Вулф не имеет никакого отношения к слежке за вашими людьми и изучению их автобиографии, потому что подобная работа слишком плохо оплачивается. Второе. Мистер Эрскин и вы, джентльмены, полиция хорошо осведомлена, что ревность и все такое прочее зачастую является причиной убийства, и мы стараемся об этом не забывать. Третье. Мистер Кейтс, я знаю Вулфа почти двадцать лет и могу объяснить вам, почему он пригласил нас всех сюда. Просто-напросто потому, что хотел как можно скорее, не вставая с кресла и не заставляя Гудвина тратиться на бензин, узнать все обстоятельства дела. Не могу ничего сказать про остальных, но я свалил дурака, явившись сюда. – Он обернулся. – Пошли, Стеббинс. Вы идете, Спиро?

Конечно, совещание на этом закончилось. Представители бюро были уже сыты по горло, и хотя промышленники, во всяком случае большинство из них, выказывали готовность остаться и продолжать схватку, но тут уж Вулф воспользовался правом вето.

Когда все поднялись, Эд Эркин вновь пересек линию огня и предпринял очередной заход в сторону Нины, но, как мне показалось издали, она с ходу отшила его, даже не раскрывая рта. Я преуспел гораздо лучше, несмотря на то что работал на Ниро Вулфа, нанятого враждебной НАП. Когда я сказал, что в этой части города поймать такси практически невозможно, и предложил доставить их с миссис Бун в отель на нашей машине, она ответила:

– Нас обещал подвезти мистер Декстер.

Коротко и ясно. Я это оценил.

Впрочем, после того как все ушли и мы с Вулфом остались одни, выяснилось, что мне все равно не удалось бы проводить ее, даже если бы она согласилась.

– Жаль, что Кремер сорвал совещание, – заметил я. – Продержи мы их чуть подольше, скажем недели две, мы бы знали, с чего начинать. Очень жаль.

– Вовсе не жаль, – раздраженно отозвался он.

– Неужели? – Я развел руками и снова сел. – Стало быть, совещание имело головокружительный успех? Кто из посетителей, по-вашему, заслуживает особого внимания?

– Мисс Гантер, – ответил он, к моему удивлению.

– Да? И почему?

– Потому что она не пришла. У тебя есть ее адрес?

– Конечно. Я же посылал ей телеграмму...

– Отправляйся и привези ее сюда.

Я посмотрел на него, на часы и снова на него:

– Но уже двадцать минут двенадцатого!

Он кивнул:

– По ночам ездить намного безопаснее. Движение не такое интенсивное.

– Не буду спорить. – Я поднялся. – НАП платит вам, а вы платите мне. Ничего не поделаешь.

Глава 10

Я взял с собой набор ключей, на случай если дом 611 на Восточной Пятьдесят пятой улице окажется старомодным зданием без лифта и с закрытым входом, но это был двенадцатиэтажный улей с тентом над входом и обслуживающим персоналом. Я прошел через просторный холл к лифту, шагнул внутрь и небрежно сказал:

– Гантер.

Не глядя на меня, лифтер лениво закончил зевок и крикнул:

– Эй, Сэм! Это к Гантер!

Появившийся швейцар, мимо которого я благополучно проскочил, смерил меня строгим взглядом.

– Я позвоню ей, – сказал он, – но это пустая трата времени. Как ваша фамилия и из какой вы газеты?

Обычно я стараюсь экономить и не подмазываю персонал, но при сложившихся обстоятельствах, имея возможность не стесняться в расходах, я подумал, что и этот парень вполне может получить малую толику от щедрот НАП. Я вышел из лифта и прошел с ним к коммутатору, после чего, протянув ему десятидолларовую банкноту, сказал:

– Я не из газеты. Я продаю морские раковины.

Он покачал головой и начал манипулировать с пультом. Тогда я положил ему руку на плечо:

– Ты меня недослушал. Это был папа. А вот и мама. – Я выложил еще одну десятку. – Но хочу сразу предупредить: детей не будет.

Но он только снова покачал головой и поднял тумблер. Я был так потрясен, что потерял дар речи. Мне часто приходилось иметь дело со швейцарами, и я вполне способен сразу определить того из них, кто слишком честен, чтобы взять двадцать баксов за сущую ерунду. Но этот явно не относился к данной категории. Его моральные принципы, очевидно, были не столь высоки, а значит, подобная неподкупность мотивировалась чем-то иным. Я оправился от шока, услышав, как он произносит:

– Он говорит, что продает морские раковины.

– Меня зовут, – уточнил я, – Арчи Гудвин, и меня прислал мистер Ниро Вулф.

Швейцар повторил мои слова в трубку и уже через секунду положил ее, посмотрев на меня с удивлением:

– Она сказала, пусть поднимается. Девять-«аш». – Он проводил меня к лифту. – Насчет папы и мамы... Я передумал. Если вы, конечно, все еще не против...

– Я пошутил. У них действительно есть дети. А вот это маленький Хорас. – Я дал ему четвертак, вошел в лифт и сказал лифтеру: – Девять-«аш».

Не в моих правилах отпускать замечания личного характера в первые пять минут знакомства с молодыми женщинами, но на сей раз я изменил себе, поскольку замечание буквально сорвалось у меня с языка. Когда я нажал на кнопку звонка, а мисс Гантер открыла дверь и сказала «добрый вечер» и я, сняв шляпу и шагнув в квартиру, ответил, свет люстры над головой так сиял в ее волосах, что у меня невольно выскочило:

– «Голден бантам».

– Да, – кивнула она, – я действительно крашу волосы именно этим.

Теперь я начал потихоньку понимать, почему швейцар проявил такую неподкупность. Ее фотографии в газетах меркли по сравнению с оригиналом. Повесив мое пальто и шляпу, мисс Гантер провела меня в комнату, но, оказавшись на середине, повернула голову и сказала:

– Вы знакомы с мистером Кейтсом?

Я решил, что она сказала это произвольно. Примерно так же, как я сделал свое замечание, но неожиданно увидел Кейтса, сидевшего в кресле в темном углу комнаты.

– Привет, – произнес я.

– Добрый вечер, – просвиристел он, поднимаясь.

– Садитесь. – Фиби Гантер поправила загнутый угол ковра носком маленькой красной тапки. – Мистер Кейтс приехал рассказать о вашем совещании. Что будете пить? Скотч? Водку? Бурбон? Джин? Кока-колу?

– Нет, благодарю. – Я с трудом вернул на место съехавшие набекрень мозги.

– Ну... – Она села на диван. – Вы пришли взглянуть на цвет моих волос или по другому поводу?

– Извините, если помешал вам и мистеру Кейтсу.

– Все в порядке, не так ли, Эл?

– Нет, не в порядке, – решительно возвысил свой тонкий голос Элджер Кейтс, – если вы действительно хотите знать мое мнение. Было бы непростительной глупостью доверять ему и верить его словам. Как я уже говорил, он получает деньги от НАП.

– Да, вы уже это говорили. – Мисс Гантер устроилась поудобнее на диване. – Но раз ему нельзя доверять, нам остается быть чуть-чуть умнее его, чтобы узнать у него больше, чем он хочет выяснить у нас. – Она посмотрела на меня, и мне показалось, что она улыбается, но я тут же сообразил, что ничего определенного сказать не могу – настолько подвижно было ее лицо, особенно рот. Итак, она посмотрела на меня, возможно, с улыбкой. – У меня есть своя теория относительно мистера Кейтса. Он рассуждает так, как было принято задолго до его рождения. По-видимому, любит читать старомодные романы. Вот бы никогда не подумала, что руководитель аналитического отдела вообще читает романы. А вы что думаете?

– Я не хочу говорить о людях, которые мне не доверяют, – вежливо парировал я. – Но не думаю, что вы правы.

– Вы о чем?

– О том, что вы умнее меня. Соглашусь, вы гораздо красивее меня, но вряд ли умнее. В возрасте двенадцати лет я уже был чемпионом Зейнвилла, штат Огайо, по правописанию.

– Как пишется слово «шпионить»?

– Какое ребячество! – Я бросил на нее сердитый взгляд. – Не думаю, что вы считаете, будто поимка преступников – это та работа, которой следует стыдиться, раз уж у тебя хватает на это мозгов. Кстати, а почему, если вы предполагали, что я к вам приду, то не предупредили швейцара... – Я умолк, потому что она, возможно, смеялась надо мной, и только смотрел на нее, что было не слишком осмотрительно с моей стороны, потому что именно это мешало моему мыслительному процессу. – Сдаюсь, – любезно сказал я. – Вы загнали меня в угол и заставили моргнуть. Первый раунд за вами. Начинаем второй раунд. Быть может, ваш мистер Кейтс настолько же предан вам, как тот парень – как бишь его? – который стоит на горячей палубе, но он болван. Ниро Вулф очень хитер, не буду отрицать, но представить, что он будет покрывать убийцу только потому, что он один из тех, кто подписывает его чеки, – это полный бред! Скажите, был ли хоть один случай, чтобы он отошел в сторону и согласился бы на замену, какой бы хорошей она ни была? Хочу дать вам бесплатный совет. Если вы считаете, что Буна убил кто-нибудь из сотрудников вашего бюро, и не хотите, чтобы это было раскрыто, немедленно выставьте меня вон и держитесь как можно дальше от Вулфа. Если же вы полагаете, что убийство совершено кем-либо из НАП, и хотите помочь найти убийцу, тогда быстро надевайте туфли, пальто и шляпку, и мы поедем к Вулфу. – Я повернулся к Кейтсу. – Если же вы убили Буна и у вас есть мотив, о котором вы из чувства порядочности предпочли умолчать, советую вам поехать с нами, чистосердечно во всем признаться и на этом закончить.

– Что я вам говорил! – торжествующе воскликнул Кейтс, обращаясь к мисс Гантер. – Видите, как он мягко стелет?

– Не глупите, – с досадой сказала она. – Я вам все объясню. Поняв, что я умнее его, мистер Гудвин решил взяться за вас. И у него наверняка есть документальное подтверждение, что вы болван. Знаете, вам лучше уйти. Предоставьте его мне. Увидимся завтра в офисе.

– Нет! – решительно затряс головой Кейтс. – Он будет продолжать гнуть свое! Я не собираюсь...

Он все бубнил и бубнил, но для меня смысла излагать его речь было не больше, чем ему продолжать говорить, так как мисс Гантер поднялась с дивана, подошла к вешалке и сняла его пальто и шляпу. Мне показалось, что она не совсем годилась на роль личного секретаря. Секретарша должна ходить взад-вперед, приносить и уносить бумаги, вводить и провожать посетителей. А если она вызывает постоянное желание ловить каждое ее движение, о какой работе может идти речь?!

Кейтс, конечно, сдался. Две минуты спустя дверь за ним захлопнулась, и мисс Гантер заняла свое место на диване среди подушек. Я пытался собраться с мыслями, и, когда она, возможно, улыбнулась и сказала, чтобы я продолжал дерзать и обучил ее таблице умножения, поднялся и попросил разрешения воспользоваться телефоном.

Она округлила глаза:

– Ну а что требуется от меня? Я должна спросить, кому вы собираетесь звонить?

– Нет, просто сказать «да».

– Да. Телефон прямо за...

– Я понимаю, спасибо.

Телефон находился на маленьком столике у стены, там же стоял табурет. Я выдвинул табурет, сел спиной к мисс Гантер и набрал номер. После первого же гудка Вулф поднял трубку, поскольку терпеть не может, когда звонит телефон.

– Мистер Вулф? Это Арчи. Я здесь, у мисс Гантер, и мне кажется, ваша идея привезти ее к нам не самая удачная. Во-первых, она чертовски умна, но дело не в этом. Она принадлежит к категории тех женщин, о которых я мечтал последние десять лет, помните, я вам рассказывал? Не скажу, что она красива, это дело вкуса, но она точно мой идеал. Поэтому лучше предоставьте ее мне. Она начала с того, что сделала из меня мартышку, но это исключительно потому, что я был в шоке. Возможно, чтобы отойти, мне потребуется неделя, месяц или даже год, потому что очень трудно сосредоточиться на работе при таких обстоятельствах, но вы можете на меня положиться. Ложитесь спать, я свяжусь с вами утром.

Я встал с табурета, повернулся лицом к дивану, но мисс Гантер там не было. Она стояла перед зеркалом в прихожей, в темно-синем пальто с лисьим воротником, пристраивая на голову какое-то темно-синее сооружение.

– Пошли! – небрежно сказала она.

– Куда?!

– Не валяйте дурака! – Она отвернулась от зеркала. – Вы же лезли из кожи вон, чтобы уговорить меня поехать к Ниро Вулфу, и вам это удалось. Второй раунд ваш. Когда-нибудь мы сыграем роббер-другой в бридж. А пока я еду к Вулфу, и нам придется отложить бридж до лучших времен. Я очень рада, что вы не считаете меня красивой. Ничто так не раздражает женщину, как слова о том, что она красива.

Пока я надевал пальто, она открыла дверь. Сумочка у мисс Гантер под мышкой была из того же темно-синего материала, что и шляпка. По пути к лифту я попытался объяснить:

– Я не сказал, что вы некрасивы, я сказал...

– Я слышала, что вы сказали. Вы ранили меня в самое сердце. Это больно слышать даже от незнакомца, который к тому же может оказаться врагом. Я тщеславна, в этом мое несчастье. А так как у меня проблемы со зрением, то я считаю себя красавицей.

– Я тоже... – начал я, но вовремя заметил, что уголок ее рта ползет вверх.

И я не кривил душой. Если кто-то может подумать, что я проворонил все авансы, которые она мне раздавала, не буду спорить, но мне хотелось бы подчеркнуть: я был рядом с ней, смотрел на нее, слушал ее и, что самое ужасное, она действительно была ослепительно красива.

По дороге на Тридцать пятую улицу мисс Гантер поддерживала со мной дружескую беседу, словно я не состоял на службе у НАП. Войдя в дом, мы нашли кабинет пустым. Оставив гостью, я отправился на розыски Вулфа. Он был на кухне и увлеченно обсуждал с Фрицем меню на завтра. Я сел на стул, задумавшись о последних событиях, связанных с мисс Гантер, в ожидании, когда Вулф и Фриц закончат с меню. Наконец Вулф заметил мое присутствие:

– Она здесь?

– Конечно. Поправьте галстук и причешитесь.

Глава 11

В четверть третьего ночи Вулф взглянул на настенные часы и со вздохом произнес:

– Что ж, мисс Гантер, я готов выполнить свою часть договора. Я обещал ответить на ваши вопросы после того, как вы ответите на мои. Спрашивайте.

Мне некогда было любоваться красотой мисс Гантер, поскольку по требованию Вулфа я вел стенографическую запись беседы и, не поднимая глаз, уже исчеркал пятьдесят четыре страницы. Вулф пребывал в настроении, которое я называл «загляни-под-каждый-камень», и, с моей точки зрения, некоторые записи имели примерно такое же отношение к убийству Буна, как историческая переправа армии Джорджа Вашингтона через реку Делавэр. Правда, кое-что могло оказаться полезным. Главным образом ее путевые заметки о передвижениях в прошлый вторник. К своему удивлению, мисс Гантер ничего не знала о совещании, помешавшем Буну отправиться вместе со всеми на поезде. Обычно она была в курсе всех его дел. В Нью-Йорке она вместе с Эджером Кейтсом и Ниной Бун отправилась в отделение Бюро регулирования цен. Кейтс пошел в аналитический отдел, а они с Ниной принялись помогать сотрудникам бюро отбирать на складе товары, необходимые для иллюстрации предстоящей речи Буна. Там был огромный ассортимент самых разных вещей, начиная от зубочисток и кончая пишущими машинками, и только к шести часам они управились с работой, отобрав два консервных ножа, два разводных ключа, две мужские рубашки, две авторучки и детскую коляску. Один из сотрудников помог мисс Гантер вынести все это добро на улицу и поймать такси до отеля «Уолдорф», куда уже уехала Нина. Коридорный поднял товары на этаж, где находился Большой бальный зал и гостиная. Там мисс Гантер узнала, что Бун просил ему не мешать, поскольку он готовится к выступлению в задней комнате, позднее ставшей печально известной как Комната убийства. Представитель НАП, генерал Эрскин, проводил ее туда.

– Генерал Эрскин? – переспросил Вулф.

– Да. Эд Эрскин, сын президента ассоциации. – (Я фыркнул.) – Он бригадный генерал, – объяснила она. – Один из самых молодых генералов в авиации.

– Вы с ним знакомы?

– Нет, но видела его раз или два. Однако, само собой, я его терпеть не могу. – (На этот раз я не сомневался: она не улыбалась.) – Я ненавижу всех, кто связан с НАП.

– Естественно. Продолжайте.

Эд Эрскин подкатил коляску к двери комнаты за сценой и распрощался. Фиби Гантер пробыла у Буна не больше двух-трех минут. Впоследствии полиция потратила много часов на изучение этих двух или трех минут – последних минут, когда кто-то, кроме убийцы, видел Буна живым. Ну а Вулф потратил на них две странички моего блокнота. Бун был сосредоточен и напряжен сильнее обычного – ничего удивительного в данной ситуации. Он вытащил из коляски мужские рубашки и разводные ключи и разложил на столе, просмотрел сопроводительные документы, напомнил мисс Гантер, чтобы во время его выступления она сверялась с напечатанным текстом и отмечала все отклонения от оригинала, которые он сделает. Затем отдал ей кожаный чемоданчик и попросил оставить его одного.

Она вернулась в гостиную, выпила два коктейля подряд, поскольку явно в этом нуждалась, затем вместе со всеми проследовала в бальный зал, отыскала восьмой столик возле сцены, зарезервированный для представителей Бюро регулирования цен, и села. Она как раз ела фруктовый салат, когда неожиданно вспомнила, что забыла кожаный чемоданчик на подоконнике в гостиной. Но никому ничего не сказала, не желая признаваться в своей оплошности, и только собралась было, извинившись перед сидевшей рядом миссис Бун, выйти из-за стола, как Фрэнк Томас Эрскин поднялся на сцену и объявил в микрофон: «Дамы и господа, с глубоким при-

скорбием вынужден сообщить вам печальную новость, по причине которой никому не разрешается покинуть зал...»

Лишь спустя час ей удалось попасть в гостиную, но кожаный чемоданчик исчез.

Бун говорил ей, что в чемоданчике находятся валики с надиктованными им днем в Вашингтонском офисе текстами. Больше она ничего не знала. В том, что Бун не рассказал ей о содержании записей на валиках, не было ничего удивительного, поскольку он редко этим делился. Для текущей работы мистер Бун пользовался услугами нескольких стенографисток, но самые важные письма и распоряжения, которые могли содержать конфиденциальную информацию, он записывал на диктофон и давал перепечатывать только мисс Хантер. Всего было двенадцать таких чемоданчиков с десятью валиками в каждом, и чемоданчики эти постоянно курсировали между мистером Буном и мисс Хантер, а также мисс Хантер и другими стенографистками, поскольку Бун практически всегда пользовался диктофоном. Чемоданчики были пронумерованы. Пропал номер четвертый. Мистер Бун всегда пользовался диктофоном фирмы «Стенофон».

Мисс Хантер призналась, что совершила ошибку. До утра среды она никому не говорила о пропаже, пока полиция не заинтересовалась, что лежало в кожаном чемоданчике, с которым мисс Хантер пришла в гостиную. Конечно, какая-то крыса из НАП донесла об этом полицейским. Она объяснила свое молчание нежеланием признаться в халатности, заметив, однако, что это никому не причинило вреда, поскольку содержимое чемоданчика никак не могло быть связано с убийством.

– Четыре свидетеля утверждают, что, когда вы из гостиной направились в бальный зал, чемоданчик был при вас, – пробурчал Вулф.

Слова Вулфа не произвели на Фиби Хантер особого впечатления. Она как ни в чем не бывало пила бурбон с водой и курила сигарету.

– Или вы верите им, или вы верите мне. Меня несколько не удивит, если не четыре, а все сорок человек из ассоциации заявят, что подглядывали в замочную скважину и видели, как я убила мистера Буна.

– Вы говорите о членах НАП. Но миссис Бун не имеет отношения к ассоциации.

– Не имеет, – передернула плечами Фиби. – Мистер Кейтс рассказал мне, что она обо мне говорила. Миссис Бун меня недолюбливает. А возможно, хотя я в этом сильно сомневаюсь, она ко мне вполне неплохо относится, но ей ненавистна сама мысль, что ее муж зависит от меня. Обратите внимание, что ей даже не пришлось лгать: она ведь не говорила, что видела у меня в руках чемоданчик, когда я выходила из гостиной.

– А в чем именно мистер Бун зависел от вас?

– В том, чтобы я выполняла его приказания.

– Конечно, – едва слышно пробормотал Вулф. – Но что он получал от вас взамен? Послушание? Преданность? Дружеское участие? Счастье? Экстаз?

– Боже правый! – Лицо ее исказила гримаса отвращения. – Можно подумать, что эти вопросы задает жена какого-нибудь конгрессмена... Мистер Бун получал высококвалифицированную работу. Не стану утверждать, что за те два года, которые я работала на мистера Буна, я не испытывала экстаза, но я всегда оставляла его за дверями офиса, да и вообще я приберегала его на потом, предвидя встречу с мистером Гудвином. – Она всплеснула руками. – Наверное, вы тоже читаете старомодные романы. Что ж, если вам так хочется узнать, была ли у меня интимная связь с мистером Буном, мой ответ «нет». Во-первых, у него не было времени для флирта – как, впрочем, и у меня. Во-вторых, он был не в моем вкусе. Правда, я почти боготворила его.

– Да неужели?

– Да, – ответила она с нажимом. – Он был раздражительным и слишком придирчивым, весьма упитанным и вечно обсыпанным перхотью; более того, он сводил меня с ума требова-

ниями строго соблюдать его расписание. Но это был самый честный, самый благородный человек в Вашингтоне из всех, кого я знала. Он боролся с самой гнусной шайкой свиней и рвачей на всем белом свете. И поскольку сама я человек крайне нерешительный, то боготворила его, а вот где он мог достичь экстаза, тут уж, извините, это не ко мне.

Казалось, вопрос степени экстаза мы закрыли. Заполняя страницу за страницей в своем блокноте, я спросил себя, насколько верю ее словам, и, когда понял, что стрелка моей веры, достигнув отметки «девяносто», продолжает ползти к «ста», дисквалифицировал себя за страстность.

У Фиби сложилось определенное мнение относительно убийства. Она сомневалась, чтобы несколько членов НАП, пусть даже двое, могли вступить в сговор с целью убить Буна, поскольку все они были слишком осторожны и не рискнули бы замыслить столь сенсационное преступление. Это мог совершить лишь одиночка, кто-то из тех, кому мешала деятельность Буна как руководителя Бюро регулирования цен или чьи интересы были ущемлены столь сильно, что перспектива запятнать репутацию ассоциации отошла на второй план. Поэтому Фиби Гантер согласилась с Вулфом, что промышленники заинтересованы в поимке убийцы.

– Тогда не означает ли это, – спросил Вулф, – что вы лично и ваше бюро предпочли бы, чтобы убийца не был обнаружен?

– Может, и означает, – призналась мисс Гантер. – Однако я не настолько логична и хочу, чтобы преступника поймали.

– Потому что вы боготворили мистера Буна? Это понятно. Но в таком случае почему вы не приняли мое приглашение прийти вчера вечером, чтобы все обсудить?

То ли у нее ответ был заранее заготовлен, то ли ей не надо было ничего придумывать.

– Потому что мне не хотелось. Я очень устала и не знала, кто еще будет. И я уже тысячу раз ответила на тысячу вопросов в полиции и в ФБР и мечтала отдохнуть.

– Однако с мистером Гудвином вы все же приехали...

– Конечно. Любая девушка, которая нуждается в отдыхе, отправилась бы с мистером Гудвином куда угодно, потому что с ним можно не включать мозги. – Даже не взглянув в мою сторону, она продолжила: – Однако я не собиралась провести здесь всю ночь, а время уже позднее. Теперь моя очередь задавать вопросы.

И тут Вулф взглянул на часы и со вздохом сказал:

– Спрашивайте.

Она переменила позу, сделала глоток бурбона, эффектно откинула голову на спинку кресла из красной кожи и спросила безразличным тоном:

– Кто связался с вами от имени НАП, что они вам сказали, на что вы согласились и сколько они вам платят?

Вулф был настолько поражен, что едва не заморгал глазами:

– О нет, мисс Гантер, так дело не пойдет!

– Почему? Мы ведь договорились!

Вулф понял, что загнал сам себя в ловушку.

– Хорошо, давайте-ка поглядим. Ко мне приехали мистер Эрскин с сыном, мистер Бреслоу и мистер Уинтерхофф. Затем появился мистер О'Нил. Они наговорили с три короба, но в результате наняли меня провести расследование. Я дал согласие попытаться найти убийцу. А во что им...

– Независимо от того, кем бы он ни был?

– Да. Не перебивайте. Во что им обойдется мое содействие, покажет будущее. Мой гонорар будет прямо пропорционален расходам. Мне не нравится НАП. Я анархист.

Вулф явно решил продемонстрировать свою эксцентричность, чтобы максимально использовать ситуацию. Мисс Гантер не обратила на это внимания.

– Не пытались ли они внушить вам, что убийца не принадлежит к их ассоциации?

– Нет.

– Не создало ли у вас впечатления, что они подозревают какое-либо определенное лицо?

– Нет.

– Не считаете ли вы, что убийцей является один из них?

– Нет.

– Стало быть, вы довольны, что ни один из них не является убийцей?

– Нет.

Она раздраженно всплеснула руками:

– Это глупо! Вы ведете нечестную игру. И только и делаете, что говорите «нет».

– Я отвечаю на ваши вопросы и не сказал ни слова неправды. Сомневаюсь, что вы были так же честны со мной.

– В чем же я вас обманула?!

– Пока не знаю. Еще не знаю. Но непременно узнаю. Продолжайте.

– Простите, – вмешался я, – но у нас еще не было прецедента, чтобы вас допрашивал человек, подозреваемый в убийстве. Следует ли мне все это записывать?

Вулф даже не взглянул в мою сторону:

– Продолжайте, мисс Гантер. Мистер Гудвин всего лишь воспользовался случаем, чтобы назвать вас подозреваемой в убийстве.

Она пыталась сосредоточиться и тоже меня игнорировала.

– Не считаете ли вы, – спросила она, – что использование в качестве орудия убийства разводного ключа свидетельствует о непреднамеренном убийстве? Ведь никто не знал, что там окажется ключ.

– Нет.

– А почему?

– Потому что убийца мог явиться вооруженным, но, увидев разводной ключ, решил воспользоваться им.

– И все же могло ли убийство быть непреднамеренным?

– Да.

– Не создало ли у вас впечатления, что кому-то из НАП известно, кто взял кожаный чемоданчик и куда он делся?

– Нет.

– Или где он сейчас находится?

– Нет.

– Подозреваете ли вы кого-нибудь?

– Нет.

– Почему вы послали за мной мистера Гудвина? Почему именно за мной, а не за кем-либо другим?

– Потому что вы не ответили на мое приглашение и я хотел узнать причину.

Она замолчала, выпрямилась, допила бурбон и пригладила волосы.

– Все это чушь! – с чувством произнесла она. – Я могу хоть целую неделю задавать вам вопросы, но откуда мне знать, что вы говорите правду? Вы утверждаете, например, будто вам неизвестно, что стряслось с чемоданчиком и где он находится. А он, возможно, спрятан в этой самой комнате. Может быть, даже в вашем письменном столе.

Она посмотрела на свой стакан, увидела, что он пуст, и поставила на столик, на котором обычно выписывали чеки.

– Я находился в таком же невыгодном положении, когда расспрашивал вас, – кивнул Вулф.

– Но мне незачем вам врать!

– Вздор! У людей всегда есть причина что-нибудь скрывать. Продолжайте.

– Не стоит. – Она поднялась и разгладила юбку. – Это бесполезно. Лучше поеду домой и лягу спать. Посмотрите на меня. Я наверняка похожа на старую кошелку, да?

Мисс Гантер снова удалось обескуражить Вулфа. Он явно не привык, чтобы женщины спрашивали его, как они выглядят.

– Нет, – буркнул он.

– Опять «нет», – улыбнулась она. – А я измотана до предела. Но обычно чем больше я устаю, тем меньше это заметно. Во вторник я пережила самое сильное потрясение в жизни и с тех пор очень плохо сплю. – Она обернулась ко мне. – Скажите, пожалуйста, где тут можно поймать такси?

– Я вас отвезу. Мне все равно нужно поставить машину в гараж.

Она пожелала Вулфу спокойной ночи, мы оделись, вышли и сели в машину. Мисс Гантер откинулась на сиденье и на секунду закрыла глаза, затем открыла их, выпрямилась и посмотрела на меня.

– Итак, вы имели успех у Ниро Вулфа, – заметил я, словно разговаривал с незнакомкой.

– Не стоит быть таким холодным. – Она обхватила мою руку чуть ниже плеча и крепко сжала. – Не обращайтесь внимания. Это ничего не значит. Иногда мне просто хочется чувствовать рядом крепкую мужскую руку. Вот и все.

– Хорошо, я действительно мужчина.

– Как я и подозревала.

– Когда все закончится, я с удовольствием научу вас играть в бильярд или проверять слова в словаре.

– Спасибо. – (Мне показалось, она вздрогнула.) – Когда все закончится.

В конце Сороковых улиц нас задержал светофор.

– Кажется, у меня сейчас начнется истерика, – сказала она. – Не пугайтесь.

Я посмотрел на нее. В жизни не видел человека, столь далекого от истерики. Когда я остановил машину перед ее домом, она выпорхнула на тротуар – я не успел даже пошевелиться – и протянула мне руку:

– Спокойной ночи. Или это является нарушением ваших правил – пожать руку подозреваемой в убийстве?

– Конечно. – (Мы обменялись рукопожатием. Ее рука идеально подходила моей.) – Чтобы поймать ее врасплох.

Она скрылась в подъезде, возможно одарив швейцара коротким взглядом, чтобы подкрепить его мотивацию.

Поставив машину в гараж и вернувшись домой, я зашел в кабинет, чтобы проверить, хорошо ли заперт сейф. На моем столе лежала нацарапанная рукой Вулфа записка:

*Арчи, впредь не встречайся с мисс Гантер без моего приказа. Умная женщина всегда опасна. Мне не нравится все это дело. Завтра я решу, не следует ли от него отказаться и вернуть аванс. Утром вызови Пензера и Гора.
Н. В.*

Противоречивость записки свидетельствовала о том, в какой растерянности пребывал шеф. Ставка Сола Пензера составляла тридцать долларов в день, а Билла Гора – двадцать, не говоря уже о неизбежных текущих расходах. И если Вулф пошел на такие издержки, значит задаток он возвращать не собирался. Ему просто хотелось, чтобы я пожалел его, поскольку он взялся за такую трудную работу. Я поднялся в свою комнату, мимоходом посмотрев на его дверь на втором этаже. Красная лампочка горела. Значит, Вулф включил сигнализацию.

Глава 12

Всю сложность дела я осознал на следующее утро, когда в одиннадцать часов Вулф спустился из оранжереи и принялся инструктировать Сола Пензера и Билла Гора.

Тем, кто только видел, но не знал Сола Пензера, он мог показаться невзрачным, дурно выбритым, маленьким носатым человечком. Но для тех, кто его знал, для Вулфа и для меня например, внешность Сола не имела значения. Он был одним из лучших оперативников Нью-Йорка, которому из года в год предлагали как минимум в десять раз больше работы, чем у него было возможности и желания выполнить. Однако он никогда не отказывал Вулфу, если действительно мог ему помочь. В то утро он сидел в кресле, держа на коленях выдавшую виды кепку и ничего не записывая, так как всегда полагался на свою память, и слушал Вулфа. Тот обрисовал в общих чертах положение дел и велел Солу провести в отеле «Уолдорф» столько часов или дней, сколько понадобится, прислушиваясь и принимаясь ко всему и не упуская из виду никого и ничего.

Билл Гор был мощного телосложения, крепко сбитый парень, и одного взгляда на его макушку было достаточно, чтобы понять: он обречен, поскольку в ближайшие пять лет вконец облысеет. Он получил задание отправиться в Ассоциацию промышленников и собрать кое-какие сведения. Вулф предварительно созвонился с Эрскином и заручился его содействием.

– Неужели дела обстоят так плохо? – спросил я, когда они ушли.

– Почему плохо? – нахмурился Вулф.

– Вы прекрасно знаете почему! Пятьдесят долларов в день на обедки! Что в этом гениального?

– Гениального? – Вулф нахмурился, бросив на меня сердитый взгляд. – А что может сделать гений в этой людской сутолоке?! Больше тысячи человек, у которых имеются мотивы для убийства, возможность его совершить и подручные средства. Черт меня дернул поддаться на твои уговоры!

– Нет уж, сэр! Даже не пытайтесь! – твердо сказал я. – Когда я почувствовал, что придется попотеть, а потом прочитал вашу записку, то сразу понял, что вы захотите взвалить всю вину на меня. Признаюсь, не думал, что дело так безнадежно, пока не услышал, как вы приказывали Солу и Биллу облазить все дыры, которые полиция давно обшарила. Вам даже нет нужды признаваться в том, что не справились. Вы вполне можете выкрутиться. Я выпишу НАП чек на десять тысяч долларов, а вы продиктуете мне письмо, в котором сообщите промышленникам, что в связи с тем, что вы подхватили свинку, а еще лучше...

– Заткнись! – рассердился он. – Как я могу вернуть деньги, которые не получал?

– Вы их получили. Чек пришел с утренней почтой, и я внес всю сумму на депозит.

– Боже правый! Деньги в банке?

– Да, сэр.

Он яростно надавил на звонок, чтобы Фриц принес ему пива. Никогда раньше мне не доводилось видеть его в состоянии, столь близком к панике.

– Итак, у вас ничего нет, – безжалостно заявил я. – Совсем ничего?

– Определенно кое-что есть.

– Неужели? И что именно?

– Кое-что мистер О'Нил сказал вчера днем. Кое-что очень интересное.

– Что?

Вулф покачал головой:

– Это задание не для тебя. Я поручу его завтра Солу или Биллу.

Я не поверил ни единому слову. Минут десять я пытался вспомнить все, что говорил Дон О'Нил, после чего мой скепсис только усилился.

В субботу Вулф не дал мне ни одного задания, связанного с делом Буна, не поручил даже сделать телефонный звонок. Звонили исключительно нам, и звонков было очень много. В частности, из газет и конторы Кремера и так далее, причем в основном это была пустопорожняя болтовня. Однако два звонка произвели на меня почти комическое впечатление.

Уинтерхофф, импозантный джентльмен с рекламы виски, позвонил около полудня. Он хотел получить хоть что-то за свои деньги, причем немедленно. В него уже вцепились копы. После многочасовых допросов примерно четырнадцати человек было установлено, что именно Уинтерхофф предложил Буну использовать маленькую комнату за сценой для подготовки к выступлению и именно Уинтерхофф проводил туда Буна. И вот теперь Уинтерхофф пребывал в крайнем волнении. Он объяснил, что знал о существовании этой комнаты из предыдущего опыта организации подобных мероприятий в тех же помещениях, но подобное объяснение полицию явно не удовлетворило. И вот теперь Уинтерхофф хотел, чтобы Вулф подтвердил его невиновность и дал указание полиции оставить его в покое. Его заказ не был выполнен.

Незадолго до ланча позвонил какой-то человек с интеллигентным голосом и представился Адамсоном, адвокатом НАП. Судя по его тону, Адамсон был явно не в восторге по поводу участия Вулфа в расследовании и теперь хотел получить практически всю информацию, включая ежедневный отчет о всех предпринимаемых нами действиях. Он настаивал на личной беседе с Вулфом, что было большой ошибкой с его стороны, поскольку, если бы он выразил желание поговорить со мной, я обошелся бы с ним со свойственной мне учтивостью.

Еще одно требование, которое выдвинула ассоциация буквально в тот же день, когда мы получили от них предварительный гонорар, мы при всем желании не могли удовлетворить. Это требование нам привезла лично Хэтти Хардинг где-то в середине дня, когда Вулф уже ушел к своим орхидеям. Я провел посетительницу в кабинет, где мы устроились на диване. Хэтти Хардинг была все такой же подтянутой и хорошо одетой, а взгляд оставался по-прежнему властным, но внутреннее напряжение уже явно давало о себе знать. Теперь Хэтти Хардинг выглядела скорее на все сорок восемь, чем на двадцать шесть лет.

Она явилась умолять о помощи, хотя обставила все несколько иначе. По ее словам, теперь им приходилось платить чертову прорву денег и вообще вот-вот наступит конец света. Связи с Общественностью были на последнем издыхании. В офис НАП приходили сотни телеграмм от членов ассоциации и друзей со всех концов страны с информацией о газетных передовицах, о резолюциях, принятых в Торговой палате, в различных клубах и сообществах, а также о циркулирующих в народе слухах. И уже не для протокола Хэтти Хардинг сообщила, что поступило одиннадцать прошений об отставке, причем одно от члена совета директоров. Нужно было срочно что-то делать.

Я спросил, что именно.

Хоть что-то, сказала она.

– Типа поймать убийцу?

– Конечно, в том числе и это. – Похоже, для нее это было лишь незначительной деталью. – Необходимо остановить эту безумную шумиху. Возможно, путем заявления, подписанного сотней известных личностей. Или с помощью телеграмм с просьбой помолиться за нас на завтрашней службе, ведь завтра воскресенье...

– Неужели вы рассчитываете, что мистер Вулф станет рассылать телеграммы пятидесяти тысячам проповедников, священников и раввинов?

– Нет, конечно! – всплеснула она руками. – Но что-что, что-что...

– Послушайте, Связи с Общественностью. – Чтобы успокоить Хэтти, я похлопал ее по коленке. – Вы потрясены, я это понимаю. Но НАП, похоже, считает, будто у нас тут универсальный магазин. Тогда вам нужен не Ниро Вулф, а Рассел Бёрдвелл или Эдди Бернейс. У нас специализированный магазин. Единственное, что мы собираемся сделать, – это поймать преступника.

– Боже мой! – сказала она и добавила: – Я сильно сомневаюсь.

– Сомневаетесь в чем? – Я уставился на Хэтти Хардинг. – Что мы собираемся его поймать?

– Да. И все остальные тоже сомневаются.

– Почему?

– Просто сомневаюсь, и все. – Она встретила мой взгляд очень уверенно, затем выражение ее глаз изменилось. – Послушайте, это ведь не для протокола?

– Конечно. Только вы и я. Ну и еще мой босс. Но он никогда никому ничего не рассказывает.

– Я сыта по горло. – Она стиснула зубы совсем как мужчина; губы у нее не дрожали. – Я собираюсь уволиться. Найду другую работу. Буду пришивать пуговицы. В тот день, когда кто-нибудь найдет убийцу Чейни Буна, поймают его и докажут его вину, разверзнутся хляби небесные. Действительно разверзнутся...

Я ободряюще кивнул:

– А что еще такого случится?

Она резко вскочила с дивана:

– Я слишком много болтаю.

– Ну что вы! Этого недостаточно. Мы ведь только начали. Присядьте.

– Нет, благодарю вас. – Ее взгляд снова стал властным. – За долгое время вы первый мужчина, на глазах у которого я развалилась на части. Но только не вздумайте вбить себе в голову, что я знаю какие-то секреты. И даже не пытайтесь вытянуть их из меня. Просто вся эта история выбила меня из колеи, и я потеряла голову. Можете меня не провожать.

И с этими словами она удалилась.

Когда в шесть часов вечера Вулф спустился в кабинет, я изложил ему все подробности нашего разговора. Поначалу Вулф решил, что это его не интересует, но затем передумал. Он хотел узнать мое мнение, и я сообщил, что сомневаюсь, будто Хэтти Хардинг знает хоть что-то, полезное для нас, а даже если и знает, то буквально рассыпалась на куски у меня на глазах, но Вулф вполне может попытаться что-то из нее вытянуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.